

Ирина Градова

ВРАЧ *от Бога*

A black stethoscope with a silver chest piece is lying on a white surface. There are several blood splatters of varying sizes around the stethoscope, particularly concentrated near the chest piece and along the tubing. The background is a plain, light-colored surface.

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Врач от бога

«ЭКСМО»

2010

Градова И.

Врач от бога / И. Градова — «Эксмо», 2010 — (Врачебные секреты)

Врач Агния Смольская давно не видела подругу Лиду, но меньше всего она хотела встретиться с ней в собственной больнице! Женщина попала к ним с симптомами отравления, и вскоре умерла. Исследования показали — она отравилась синильной кислотой, оказавшейся в составе обычной биологически активной добавки. А вскоре еще несколько человек погибли от ядовитого БАДа... Книга также издавалась под названием "Самый сильный пол"

© Градова И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Градова

Врач от бога

Пролог

– Через пару минут взлетаем! – весело крикнула Света, расставляя напитки.
– Обожаю этот рейс! – отозвалась Ангелина. – Двое суток на Бали – что может быть лучше?

Стюардессы предвкушали долгожданный отдых на белых песчаных пляжах под пальмами. В такие дни начинаешь понимать, почему работаешь на международных авиалиниях: конечно, форма, неплохая зарплата, престиж – это классно, но ничто не может сравниться с возможностью бесплатно попутешествовать по всему миру и повидать такие уголки, о которых подавляющему большинству населения приходится только мечтать. Конечно, всегда существовала опасность террористических актов – сегодня больше, чем раньше, – да и неудобств хватало, ведь нигде не задерживаешься дольше пары суток, живешь на чемоданах... Однако все это – сущая ерунда по сравнению с теми привилегиями, которые имеешь, работая стюардессой. И симпатичные пилоты – отнюдь не последняя из них!

В этот самый момент на Ангелину налетел невысокий мужчина, одетый в строгий деловой костюм, хотя за бортом сейчас было больше двадцати градусов, а местом назначения являлся всемирно известный курорт.

– Остановите взлет! – заорал мужчина. – Немедленно!!!

– Господи, неужели опять?! – простонала Света.

Ангелина подумала о том же: вот уже пять раз с начала сезона отпусков поступали сигналы о бомбе на борту. Это означало многочасовую проверку с собаками и саперами и задержку рейса на неопределенный срок – просто ужас какой-то!

– И вызовите «Скорую», срочно! – продолжал мужчина уже более спокойным тоном.

– «Скорую»? – переспросила Ангелина недоуменно.

– Женщине плохо, – пояснил пассажир.

– Я схожу посмотрю, а ты, Светик, звони в «башню»! – скомандовала Ангелина.

В салоне первого класса царил суматоха. У одного из кресел столпились люди, и Ангелина сразу поняла, кому именно стало плохо. Она сразу обратила внимание на эту некрасивую женщину с потрясающей фигурой и загаром, который, судя по всему, отнюдь недешево обошелся в солярии. Несмотря на то что женщина не отличалась привлекательностью, выглядела она на редкость ухоженной, хотя, пожалуй, слегка уставшей и изможденной. Летела она в сопровождении мужа, полноватого мужчины в дорогих импортных очках. Сразу понятно, люди непростые – вот уж, как говорится, не было печали!

– Что случилось? – спросила Ангелина, склоняясь над креслом.

Пассажирка сидела в неестественной позе, съехав с кресла вбок. Стюардессу поразил цвет ее лица – очень розовый, словно она горела в лихорадке. Женщина отчаянно хватала ртом воздух, одновременно вцепившись в руку мужа, который при этом выглядел донельзя испуганным и растерянным. Под сиденьем валялась бутылка минеральной воды – очевидно, женщина опрокинула ее, когда начался приступ.

– Боже мой! – воскликнула Ангелина при виде этого, слегка отпрянув. – Как это произошло?!

– Это вы мне скажите! – заорал муж пострадавшей, словно голос стюардессы вывел его из состояния временного шока. – Мы пили и ели только то, что продавали в вашем гребаном аэропорту!

Да, этот, похоже, выпил – и немало! – еще до посадки.

– Может, сердце? – предположил кто-то из пассажиров. – Или эпилептический припадок?

– С сердцем у Лиды никаких проблем, и она – не эпилептичка! – воскликнул муж. – Господи, сделаете вы что-нибудь или будете стоять здесь и рассуждать?!

– Успокойтесь, мы уже вызвали врачей! – сказала Ангелина, сглотнув мгновенно ставшую вязкой слюну. – Все будет хорошо...

* * *

Я обожаю запах книг. Что бы там ни говорили, а все они пахнут по-разному. Новые, только что вышедшие из печати – типографской краской. Их страницы часто склеены, и приходится слюнявить пальцы, чтобы разлепить их, а иногда даже разрывать или, если читатель – человек цивилизованный, использовать нож для резки бумаги. Старые книги источают специфический запах – такой, словно они бывали в местах, нам неведомых, и видели такое, что нам и присниться не могло, даже если они всю свою жизнь провели на одной и той же полке. Но больше всего мне нравится запах тех книг, что, выстроившись в один ряд, стоят в моем книжном шкафу. Они читаны много раз и еще будут читаться не единожды. Теперь они пропитались еще и мыслями тех, кто подолгу размышлял над написанным и перечитывал любимые места.

Книга «Великие загадки истории» Алена Деко относится к первой категории. Я купила ее под влиянием порыва и внезапного интереса к содержанию, но руки до нее так и не дошли. Поставив книгу на полку, я благополучно забыла о ней до лучших времен. Сейчас они, похоже, как раз наступили. Люблю умные книжки – ничего не могу с собой поделаться. Не скажу, что хорошо запоминаю содержание (уж больно много проблем на работе, и голова обычно забита именно этим), но иногда приятно, услышав о чем-то по телевизору или в разговоре, узнать предмет или событие, о котором когда-то читала. Такая вот у меня причуда!

Усевшись по-турецки в удобном кресле-ракушке, я раскрыла книгу на первой странице с надписью «От автора». Едва успела пробежать глазами несколько строк, как зазвонил телефон. Терпеть этого не могу: стоит только уютно устроиться дома и решить, что на некоторое время меня все оставили в покое, как он звонит и все планы рушатся! В последнее время у меня и так не жизнь, а сплошные приключения. Во-первых, уже три месяца живу на два дома – у себя и у Олега Шилова, заведующего отделением ортопедии и травматологии в больнице, где я работаю анестезиологом. В обоих домах свои примочки. Там, где мама с Дэном, – выпускной класс школы и маячащее впереди поступление, пока непонятно, в какое именно высшее учебное заведение. Затем – бесконечная вереница девочек, ввергающих маму в шок и заставляющих ее пить валокордин: она боится, что внучек сойдет с пути и пропадет в водовороте своей слишком рано начавшейся богемной жизни. В чем-то мама, пожалуй, права: в последнее время Дэна все реже можно застать дома. У него появились знакомые, которых я никогда не видела, в лучшем случае разговаривала с ними по телефону. Сынок мой начал ходить в клубы и на всякие тусовки, отсюда и девочки, причем частенько гораздо старше его. Дело в том, что благодаря росту и крепкому спортивному телосложению Дэн выглядит лет на пять-шесть старше своих лет. Пару раз его даже вылавливали представители военкомата – слава богу, у него всегда при себе школьный проездной и пропуск в художественную школу с датой рождения и фотографией, а то – ищи-свищи ребенка по приемным пунктам и доказывай со справками, что ему еще нет восемнадцати! Это, кстати, еще одна проблема, которую предстоит решать как можно скорее, ведь я вовсе не горю желанием отправить собственную плоть и кровь в армию – такую, которую все чаще показывают по телевизору со знаком «минус». В общем, сынуля не дает скучать ни мне, ни моей маме!

Там, где я живу с Шиловым (когда у нас обоих совпадают выходные), проблем не меньше. Во-первых, отсутствие в квартире мебели и таких необходимых вещей, как кофеварка и микроволновка, выводит меня из себя. Олег категорически отказывается заниматься обустройством, хотя не возражает, чтобы это делала я, и готов выделять необходимые средства – но лишь при условии, что ему самому ничего не придется делать. Вот они, мужики: хотят получить и женщину во всей красе, и уют, который им не будет стоить ни одного седого волоса!

Меня посетила мысль о том, чтобы не снимать трубку, однако, с другой стороны, звонок ведь мог оказаться важным.

– Здравствуйте, – сказал вежливый голос на другом конце провода. – Это Агния Кирилловна Смольская?

– Да, – удивленно ответила я. – А что...

– Сейчас с вами будет говорить вице-губернатор Кропоткина.

– Кто-кто?

Шутки у телефонных хулиганов день ото дня становятся все более странными! Однако что ж так скромненько-то? Почему не президент, скажем, или не председатель Организации Объединенных Наций? Пока я раздумывала над тем, сразу ли бросить трубку или все-таки сообщить шутнику все, что я о нем думаю, зазвучал другой голос – тоже очень вежливый, но более взрослый и хорошо поставленный:

– Агния Кирилловна?

– Да, – снова механически ответила я, ожидая подвоха.

– Меня зовут Дарья Ильинична Кропоткина. Сразу скажу: это не шутка, и я действительно являюсь вице-губернатором Санкт-Петербурга!

– Ну да, конечно! – пробормотала я.

– Видите ли, Агния Кирилловна, – продолжала женщина на другом конце провода, – мне бы хотелось встретиться с вами лично и поговорить об одном чрезвычайно важном деле.

Интересно, какое дело может быть ко мне у *вице-губернатора*?

– Вы смогли бы подъехать сегодня?

– А... во сколько?

– В шесть часов вам будет удобно?

– Вполне...

– Значит, жду в шесть. Пишите адрес...

Повесив трубку, я задумчиво покрутила в руках бумажку. Мне надлежало явиться в Мариинский дворец. Это розыгрыш? Я так и не поняла. Возможно, и нет, но... О чем мне говорить с властной дамой? Господи, ну почему я не поинтересовалась, по какому именно поводу она интересовалась мною? Скорее всего, произошло недоразумение, и на самом деле вызвать должны были кого-то другого – того, кто каждый день общается с сильными мира сего или хотя бы что-нибудь собой представляет! Так что, не ехать?

Несмотря на свою неуверенность, я все же решила выполнить распоряжение того, кто мне звонил, – в конце концов, если это шутка, мне всего лишь придется пережить пару неприятных минут на проходной, а потом я вернусь домой и смогу наконец спокойно почитать. Опять же вечером найдется чем рассмешить домашних!

Я никогда не любила власти. Наверное, нелюбовь передалась мне по наследству. Нет, ни родители, ни дед с бабкой никогда не были ни диссидентами, ни репрессированными, и тем не менее в нашей семье к властям всегда относились с некоторым недоверием. Мой дед, сам работник НКВД, два раза попадал в психушку с весьма распространенным в те времена диагнозом – «слишком длинный язык». Не знаю, под каким богом он ходил, но оба раза он его, как говорится, миловал, и никаких серьезных последствий излишняя разговорчивость и критический образ мышления не возымели. Папочка мой, ныне уже покойный, тоже никогда не боялся говорить начальству все, что о нем думает. За это начальство его не любило, но тро-

гать боялось, так как отца уважали, к его мнению прислушивались. Я же себя смелой никогда не считала и с руководящими работниками предпочитаю вести себя тихо и скромно. Точнее, стараюсь вообще с ними не сталкиваться: каждый визит пред светлые очи руководства воспринимаю как изощренную пытку, и только моя заведующая отделением, Елена Георгиевна Охлопкова, никогда не вызывала у меня внутреннего отторжения – в силу природной интеллигентности и умения правильно разговаривать с подчиненными.

А теперь здрасте – *вице-губернатор!*

...Я действительно не думала, что мой визит продвинется дальше проходной, но, как видно, ошибалась: стоило мне назвать свое имя, как охранник любезно объяснил, как попасть в кабинет номер шестнадцать к вице-губернатору, которая, оказывается, как раз меня ожидает.

Папочка всегда говаривал, что руководство умеет жить и работать красиво, и сейчас я получила возможность в этом убедиться. Повсюду паркетные полы, мрамор, ковры, тяжелые двери из ценных пород дерева, – в общем, все атрибуты, которые должны внушить простому смертному трепет и уважение перед властями предержажими. По коридорам неслышно двигаются люди в дорогих деловых костюмах, с такими выражениями на лицах, словно ответственность перед человечеством целиком лежит на их хрупких плечах.

Я постучала в дверь с номером 16.

– Входите! – раздался звонкий молодой голос.

Оказывается, до вице-губернатора я еще не добралась: меня встретила секретарша – молодая, высокая, модельной внешности, в строгом деловом костюме. С вежливой улыбкой она проводила меня в кабинет.

Из-за стола поднялась небольшого роста женщина со стильной короткой прической на безупречно обесцвеченных волосах. Брючный костюм цвета фуксии сидел на ней как влитой, и я вдруг подумала, что никогда в жизни не обращала внимания на то, как выглядит вице-губернатор. То есть, разумеется, живьем я ее никогда не видела, но каждый раз, когда по телевизору показывали новости из жизни городских властей, я обращала внимание только на самого губернатора – высокого, представительного мужчину, и никогда не замечала женщину, державшуюся немного в тени.

Кропоткина протянула мне руку, и я слегка пожала ее, хотя и не привыкла к подобным церемониям.

– Так вот вы какая, значит! – беззастенчиво разглядывая меня с головы до ног, произнесла вице-губернатор. Она была намного ниже меня, едва доставала до плеча, но, кажется, это ее нисколько не смущало. – Присаживайтесь.

Я опустилась в удобное кресло, а Кропоткина села напротив, через стол. Господи, как же ее имя-отчество? Кажется, Дарья Ильинична?

– Итак, Агния Кирилловна, вот мы и встретились, – с улыбкой продолжала вице-губернатор. – Что-нибудь выпьете?

– Нет, что вы, еще слишком рано! – воскликнула я.

– Вообще-то я имела в виду чай, кофе или минеральную воду, – невозмутимо пояснила Кропоткина.

– Тогда чай, пожалуй. Зеленый, – добавила я. – Если можно.

– Оленька, нам чаю, пожалуйста, зеленого, – сняв трубку, приказала вице-губернатор. Через пять минут девушка с подносом вплыла в кабинет. Как только она удалилась, Кропоткина сказала:

– Я внимательно следила за судебным процессом, на котором вы выступали основным свидетелем.

Час от часу не легче! Она говорила о процессе, на котором судили генерального директора фирмы «Новая жизнь» Демченкова. Так уж получилось, что я оказалась в центре аферы с подменой эндопротезов, придуманной моим бывшим любовником Робертом Караевым, сей-

час находящимся в бегах, и упомянутым Демченковым. Я ввязалась в расследование исключительно из чувства вины перед умершей пациенткой. Именно с нее все и началось – и я предположить не могла, что зайду так далеко. Меня чуть не убили из-за моего длинного носа, и, если бы не Шилов, не распивать бы мне сейчас чаи с вице-губернаторшей!

– Вы – смелая женщина! – снова улыбнулась Кропоткина. – Надо же, не побоялись вступить в противоборство с настоящей преступной группой...

– Да что вы, Дарья Ильинична, какая группа! – прервала я ее. – Сначала я вообще не думала, что так получится, ведь все началось с обычной халатности...

– Вот-вот! – теперь перебила вице-губернатор. – Об этом-то я и хотела с вами поговорить. Видите ли, Агния Кирилловна, год назад было принято решение создать особый Отдел медицинских расследований, который как раз и занимался бы такими случаями – от обычной, как вы говорите, врачебной халатности до самых серьезных преступлений.

– Но ведь при Комитете здравоохранения уже есть нечто подобное? – удивилась я.

– Они занимаются в основном жалобами пациентов на поборы врачей в больницах и поликлиниках, взятками и так далее. Кроме того, вы же понимаете: принадлежность этого отдела к Комитету здравоохранения во многом ограничивает его полномочия! Наша идея в том, чтобы ОМР являлся независимой организацией – настолько, насколько слово «независимость» вообще может применяться к государственному учреждению.

– А разве это не в компетенции следственных органов? – осторожно поинтересовалась я. – В смысле, у них же есть специалисты...

– Понимаете, Агния Кирилловна, ОМР не относится и к этим органам, хотя предполагается, что он станет работать в контакте с ними. Ему поручаются дела, связанные с медицинской, в спорных случаях, то есть когда еще неизвестно, имеет ли место преступление. В случае если это так, дело должно передаваться следователям. Мы пришли к выводу, что существует необходимость в ОМР, так как мир медицины – совершенно особый, замкнутый, в этой сфере принято покрывать преступления и ошибки коллег. Вы – работник больницы и понимаете: если происходит ЧП, а еще, не дай бог, со смертельным исходом, больница, аптека или медицинский центр сделают все, чтобы правда не выплыла наружу.

В этом вице-губернатор, несомненно, права. Нет более неблагоприятного дела, чем пытаться добиться правды в медицинском учреждении: вас тут же завалят бумагами, циркулярами и справками, начнут сыпать специальными терминами и вообще вешать всяческую лапшу на уши.

– Что ж, может, вы и правы! – сдалась я. – Но почему вы вызвали *меня*?

– Принято решение о включении вас в группу медицинских работников ОМР.

Сочетание слов «принято решение», употребленное за время беседы уже не первый раз, неуловимо напоминало мне что-то из прошлой жизни – не собственной, но страны в целом.

– Меня?! – перепугалась я. – Почему – меня?

– Вас... выбрали – из сотен претендентов, между прочим!

– Выбрали?

Интересное словечко! И кто же, спрашивается, мог меня «выбрать»? Кто-то, кого я знаю? Похоже, вице-губернатор не была расположена к откровенности в этом вопросе.

– Но у меня уже есть работа! – воскликнула я. – Я – врач, практика для меня – все!

– А, я забыла вам сказать: эта работа не в офисе. Вы можете продолжать заниматься своим делом, а вызывать вас будут лишь по мере необходимости. Конечно, вам придется немного сократить количество рабочих смен...

– Погодите, – сказала я, – но это значит, что... ОМР – это своего рода отдел внутренних расследований?

– Совершенно верно, – согласилась с моим предположением вице-губернатор.

– То есть мне предлагается шпионить за моими собственными коллегами? А вы представляете, как после этого ко мне станут относиться в больнице?

– Но вы же не боялись этого, когда ввязались в расследование с эндопротезами! И когда на суде выступали!

Знала бы она, чего мне это стоило! Думаю, если бы за моей спиной незримо не маячили Шилов и Охлопкова, два зава отделениями, которые меня поддерживали вопреки явному неудовольствию главного, то мое положение в больнице могло сильно пошатнуться! Люди не любят, когда кто-то сует нос в их профессиональные дела, тем более тогда, когда они явно пахивают криминалом. То, что я, принадлежа к тому же клану медиков, что и они, тем не менее пошла против некоторых из коллег, отнюдь не послужило во благо моей репутации.

– Вы же понимаете, Дарья Ильинична, – ответила я, – что стукачей нигде не любят. Как же я буду работать, если врачи станут меня сторониться, боясь сказать при мне лишнее слово?

– Но мы же вас не «стучать» просим! – развела руками Кропоткина. – Это – вполне официальная должность, так к этому и надо относиться...

– Извините, – прервала я вице-губернатора, – но, боюсь, я вынуждена отказаться. Меня вполне устраивает дело, которым я в данный момент занимаюсь.

Кропоткина откинулась на спинку кресла и из-под очков смерила меня внимательным взглядом небольших, но пронизательных карих глаз.

– Очень жаль, Агния Кирилловна, – проговорила она. – Мне казалось, что вам необходимо нечто большее, чем просто «заниматься своим делом». Я полагала, что в вас сильно развито чувство справедливости, и вы захотите помочь людям добиваться правды там, где добиться ее нелегко. Уговаривать вас не стану – это дело неблагодарное. Тем не менее на случай, если вы передумаете – вот, возьмите, – и она протянула мне простую белую карточку, на которой значилось: «Лицкявичус Андрей Эдуардович». Чуть ниже – два номера телефонов, оба мобильные.

– Кто это? – спросила я.

– Человек, с которым, как предполагалось, вам предстоит работать, – ответила Кропоткина. – Если передумаете, звоните прямо ему. Всего вам доброго.

Поднимаясь, вице-губернатор явно давала понять, что наша беседа окончена. Очевидно, я здорово ее разочаровала!

* * *

Весь день я размышляла над тем, что произошло. К вечеру мне даже стало казаться, что разговор с вице-губернатором мне просто привиделся. Не знаю, почему я не могла выбросить его из головы, ведь решение принято, и менять его я не собиралась.

– Что это у тебя? – поинтересовался Олег, выхватывая у меня визитку, которую я, как оказалось, бессознательно вертела в руках – единственное вещественное доказательство того, что мой визит в Мариинский дворец был реален. Я ничего не рассказала Шилову – не знаю даже почему.

– «Лицкявичус Андрей Эдуардович»... – прочел он вслух. – О, ты знакома с Лицкявичусом?

– Нет, – покачала я головой. – А ты?

– Не лично, – ответил Олег.

– Но слышал о нем? – заинтересовалась я.

– Не только слышал. Однажды присутствовал на его публичной лекции в Большом университете – это, скажу тебе, было что-то!

– В смысле?

– Да ты что, мать, взаправду не слыхала об Андрее Лицкявичусе? – недоверчиво спросил Олег.

– Он что, знаменитость?

– Ну, можно и так сказать, – усмехнулся Олег. – Сейчас, – добавил он, резко поднимаясь с кровати, на которой мы расслабленно полулежали. Голова моя, до этого удобно пристроенная на плече Шилова, едва не треснулась о деревянную спинку.

Дело в том, что единственным местом, более или менее напоминающим жилое помещение, в квартире Олега является спальня. В гостиной есть только один диван, крайне неудачно стоящий напротив окна. Еще одна комната завалена нераспакованными сумками с книгами и одеждой: хоть Олег и переехал на новое место жительства почти год назад, у него так и не дошли руки, чтобы разобрать вещи. Между прочим, если бы он и удосужился сделать это, то повесить и расставить их все равно негде – мебель он так и не купил!

Зато в спальне имеется королевских размеров кровать, а на противоположной стене висит огромная плазменная панель – что еще нужно человеку, чтобы расслабиться после тяжелого трудового дня? Во всяком случае, Шилову вполне достаточно этого.

Олег отсутствовал минут десять, и я уже вознамерилась отправиться за ним, когда он возник на пороге комнаты, держа в руках книгу.

– Еле нашел! – радостно объявил он. – Забыл, в какую сумку положил, представляешь?

– Очень даже представляю! – пробурчала я. – Тебе нужен книжный шкаф – и не только...

– Кончай зудеть, – подтолкнул меня локтем в бок Шилов, снова плюхаясь рядом. – Вот, смотри, – и он сунул книгу мне в руки.

– «Без лица», – прочла я надпись на обложке. – Звучит как название триллера. Кажется, был такой американский фильм...

– Это не триллер, – прервал меня Олег. – Читай фамилию автора.

– «Лицкявичус»... Что, тот самый? Он что, писатель?

– И писатель – тоже, – подтвердил Шилов. – Но в первую очередь он врач, челюстно-лицевой хирург, если быть до конца точным. Эта его книга – первая. Она о том, что он видел на войне и как делал там операции солдатам и офицерам. Там есть фотографии типа «до и после» – просто жуть!

– На войне? – удивилась я.

– Ну да, – кивнул Олег. – Он побывал практически во всех горячих точках и только несколько лет назад, насколько я слышал, осел в Центре реконструкционной хирургии. К нему стоят очереди на годы вперед. Еще он читает лекции в Военно-медицинской академии, которую, собственно, и заканчивал. А книжку ты почитай – настоящий бестселлер, честное слово! Если понравится, у меня и другие есть.

Я искоса взглянула на лицо Олега. Странно, он говорил об успехах другого человека без малейшего оттенка зависти! Шилов, кажется, был совершенно искренним в своих хвалебных оценках.

Я начала читать. К счастью, мы с Олегом оба книголюбы и, как выяснилось, можем читать каждый свою книгу, находясь в одной комнате, одновременно получая удовольствие и от процесса чтения, и от близости друг друга. Не знаю, как назвать это произведение – мемуарами или романом, но я, надо сказать, здорово увлеклась! Язык у автора оказался легким и в то же время образным – такая редкость для врачей, и особенно – врачей-хирургов, которые, как правило, редко умеют хорошо говорить. Лицкявичус писал в основном о медицине, разумеется, делая акцент на самых тяжелых случаях из собственной практики, но не мог избежать и описания ужасов войны, храбрости солдат и офицеров, рассказа об атмосфере дружбы и взаимовыручки, царящей там, где, кажется, сами эти понятия должны терять всякий смысл. Фотографии в приложении выглядели действительно страшно: люди с развороченными разрывными пулями и снарядами лицами, без челюстей, носов, лбов. А рядом – те же люди, но уже не вызывающие

ужаса, – после того как над ними поработали умелые руки врача. Это выглядело настоящим чудом. И я подумала: как здорово, что находятся хирурги, которые могут, словно волшебники, исправить и ошибки природы, и результат насилия человека над человеком!

* * *

В больнице я всегда – как рыба в воде. Пожалуй, не существует другого места, где я *чувствую* себя более естественно, чем в этих длинных коридорах. Ощущение собственной значимости всегда представляло для меня важность, и осознание того, что я помогаю людям, приносит мне удовлетворение и радость. Наверное, мой вклад не столь важен, как у хирургов, но благодаря мне, по крайней мере, пациенты не ощущают боли, а это, в свою очередь, помогает им исцелиться не меньше, чем скальпель в умелых руках. Во всяком случае, мне приятно так думать.

На следующий день ожидалось удаление доброкачественной опухоли на гастроэнтерологии, и необходимо было побеседовать с пациентом. Закончив, я возвращалась в свое отделение, но в коридоре лицом к лицу столкнулась с пожилой женщиной, чье лицо показалось смутно знакомым.

– Агния? – дрожащим голосом проговорила женщина, схватив меня за рукав.

И тут я узнала ее – и не поверила своим глазам.

– Елена Исааковна? – пробормотала я, внимательно разглядывая ту, которая всегда казалась мне образчиком моды и элегантности. Боже, как она изменилась! Конечно, годы никого не красят, но, по моим расчетам, Елене Исааковне Коганер сейчас должно быть не более шестидесяти пяти! Эта женщина была матерью моей одноклассницы Лиды Коганер. Сколько я ее помню, она всегда принимала живейшее участие в жизни школы: являлась председателем родительского комитета, устраивала встречи с интересными людьми, сопровождала наш класс на экскурсии, помогая классной руководительнице. Лида Коганер пользовалась в школе популярностью не из-за хорошей учебы или привлекательной внешности (она никогда не отличалась красотой), а именно благодаря своей матери. Елена Исааковна влияла в класс, плавно покачивая стройными бедрами, всегда туго обтянутыми чем-то прекрасно-воздушным, гордо передвигаясь на десятисантиметровых каблуках. На шее у нее всегда красовался яркий газовый или шелковый шарфик: с тех самых пор я всегда завидую женщинам, умеющим носить этот, казалось бы, нехитрый, но на самом деле вовсе не простой предмет гардероба!

В начальной школе мы с Лидой не дружили. Несмотря на близость Елены Исааковны к руководству школы, во главе которой стояла моя мама, с ее дочерью у меня было мало общего. Сошлись мы, как ни странно, на почве химии. Случилось это в девятом классе, когда предмет стали преподавать на серьезном уровне. Я всегда любила химию, но особенно увлеклась, когда у нас появилась новая учительница, Ирина Ивановна Назаренко. По-настоящему увлеченный своим делом педагог, она какими-то невероятными способами доставала необходимые реактивы – в эпоху тотального дефицита! – и устраивала нам наисерьезнейшие лабораторные работы, во время которых каждый мог попробовать реакцию «на вкус», а не просто прочитать о ней сухим языком учебника. На этих лабораторных Лида всегда оказывалась в паре со мной – наверное, потому, что нам обоим нравилось экспериментировать. Лида и я начали общаться и только удивлялись, почему раньше нам казалось, будто у нас нет ничего общего.

Мы обе решили, что по окончании школы будем поступать в Первый мед, но Лиде, в отличие от меня, беспокоиться не приходилось: ее отец, Владимир Лазаревич Коганер, занимал высокий пост в каком-то банке, и перед его единственной дочерью, как по волшебству, распахивались любые двери. Я же стала первой в своей семье, кто решился изменить традиции и направить свои стопы не на педагогическую, а на медицинскую стезю. Ни мама, ни папа всерьез в мою затею не верили, представляя, какой конкурс меня ожидает, а денег на взятку в нашей

семье отродясь не было. Папа всегда по-доброму посмеивался над мамой, мол, неправильно воспитана, в духе коммунистического самосознания: другая бы, занимая должность директора школы, брала бы взятки и принимала дорогие подарки от родителей, но – только не мама! Она оставалась принципиальной и непреклонной, о чем бы ни шла речь, и поэтому у нее не раз возникали неприятности с вышестоящим начальством. Тем не менее она выдержала все и с честью вышла на пенсию всего несколько лет назад – это случилось уже после смерти папы.

Итак, мы с Лидой обе отправились сдавать экзамены в Первый мед, и обе поступили. Попали в одну группу и практически одновременно выскочили замуж: я за своего Славку, а она – за нашего однокурсника. Через полгода наши пути разошлись. Мне пришлось взять академический отпуск, уйти в декрет и родить Дэна, а Лида со своим Мишей разошлась в том же году, погрузилась в жесточайшую депрессию и бросила институт. Папа, переживая, как бы дочурка не наделала глупостей, отправил ее за границу в сопровождении матери. Потом Лида все-таки закончила какой-то вуз, но обо всем этом я узнала только через несколько лет.

Наверное, в том, что мы с Лидой потеряли связь друг с другом, в большей степени была виновата именно я. Рожая ребенка и погружаясь в семейные заботы, женщины меняются, все больше отдаляясь от своих незамужних подруг. Потом мне пришлось очень быстро восстанавливать силы, чтобы иметь возможность вернуться в институт. Я с ужасом вспоминаю те годы: Дэн маленький, нестираное белье, латынь, экзамены... К счастью, мама и папа помогали, хотя оба работали – только благодаря этому я не сошла с ума и не только закончила медицинский, но и написала диссертацию, получив заветные корочки кандидата медицинских наук!

Так когда же я в последний раз видела Елену Исааковну? Наверное, не меньше пятнадцати лет назад – боже, как летит время! Однако, глядя на эту женщину сейчас, мне казалось, что прошло как минимум лет тридцать-сорок, потому что выглядела она такой старенькой и сморщенной, что никак не выдерживала сравнения с высокой, стройной женщиной, пышущей здоровьем, какой я ее помнила.

– Елена Исааковна, что случилось? – спросила я озабоченно, понимая, что мама моей школьной подруги, скорее всего, не просто так оказалась в больнице. – Что-то с Владимиром Лазаревичем?

– Нет, Агния, с мужем все в порядке – он здоров, насколько позволяет возраст. Но Лидочка...

– Лида? Она заболела?

– Господи, Агния, я ничего не понимаю! – вдруг зарыдала Елена Исааковна, и я несколько минут никак не могла придумать, как ее утешить. Мне пришлось сбегать в сестринскую за стаканом воды, предварительно растворив в них капли Зеленина. Когда женщина наконец смогла говорить внятно, она рассказала, что Лида собиралась на курорт с мужем. Они уже сидели в салоне самолета, направляющегося на Бали. Внезапно Лиде стало плохо, она стала задыхаться, потеряла сознание, рейс задержали и вызвали «Скорую помощь».

– Врачи говорят, что у Лидочки сильнейшее отравление, – говорила Елена Исааковна. – Не знаю, где она могла отравиться, – может, в ресторане аэропорта? Сколько раз я ей говорила, что никогда нельзя питаться в таких местах, ведь продукты там всегда несвежие! Да еще Володя в командировке в Кировске...

– Так это произошло совсем недавно? – уточнила я.

– Да только сегодня, я же говорю – мне Толик позвонил, сказал, что Лидочка в больнице. Я-то думала, они уже в пути, на курорт летят, а тут такое!

– А кто такой Толик? – поинтересовалась я.

– Муж Лидочки, Анатолий. Он пошел искать лечащего врача и до сих пор не вернулся!

– Вы не волнуйтесь так, Елена Исааковна, – сказала я. – Здесь очень хорошие врачи, они сделают все возможное для Лиды.

Я не лгала: гастроэнтерологическое отделение и в самом деле считается у нас одним из лучших, и все благодаря заведующему, Дмитрию Сергеевичу Аникину.

– Они мне ничего не говорят, Агния! – судорожно сжимая мои руки в своих, жаловалась мать Лиды. – Может, ты с заведующим поговоришь, а?

– Хорошо, – согласилась я. – Правда, если, как вы говорите, все произошло только сегодня утром, вряд ли кто-либо сможет сказать что-нибудь наверняка.

Я решила сходить к Аникину, как только закончится следующая операция на хирургии позвоночника. Чем мне всегда нравился Дмитрий Сергеевич, так это своей любезностью: в среде врачей это качество довольно редкое, но Аникин проявляет его в общении со всеми, и с коллегами, и с пациентами, – вообще нонсенс, если подумать, тем более для заведующего отделением! В его присутствии я никогда не испытываю трепета, как перед вышестоящим, потому что Дмитрий Сергеевич обладает не только приятными, лишенными высокомерия манерами, но и располагающей внешностью сельского доктора.

– Рад вас видеть, Агния Кирилловна! – сказал Аникин. – У вас ко мне дело?

– Да, вот, Дмитрий Сергеевич, хочу поинтересоваться насчет вашей новой пациентки, Лидии Коганер.

– Коганер? – удивился он. – Что-то не припомню...

И тут я сообразила, что назвала девичью фамилию школьной подруги.

– Она поступила с симптомами острого отравления сегодня рано утром, – сказала я, ругая себя за то, что забыла поинтересоваться у Елены Исааковны, как фамилия мужа Лиды.

– Это которую с поезда сняли, что ли? – спросил Аникин.

– С самолета, – уточнила я.

Дмитрий Сергеевич нахмурился.

– А почему, собственно, вы интересуетесь? – задал он вопрос, не предвещающий ничего хорошего.

Я объяснила.

– Мы отправили ее анализы в Центральную лабораторию на перепроверку, – вздохнув, произнес Аникин.

– На перепроверку? – удивилась я. – Зачем?

– Судя по всему, ваша подруга отравилась синильной кислотой.

– Что-о?! Синильной?..

– Вот поэтому-то я и решил перестраховаться. Кстати, вы не в курсе, она, случайно, не химик или биолог?

Я покачала головой. Насколько я знала, Лида после окончания института ни дня не работала – благо доходы ее отца вполне это позволяли.

– Ну, я так и думал, – кивнул Дмитрий Сергеевич. – Была небольшая надежда, что ваша подруга, возможно, надышалась парами, но, с другой стороны, содержание синильной кислоты в моче и крови слишком велико. Это странно, потому что, судя по анализу, единовременное принятие такого количества яда должно было вызвать мгновенную смерть, но этого, как ни странно, не произошло... Да еще медики «Скорой», будь они неладны, пытались вызвать у пациентки рвоту, думая, что у нее пищевое отравление, а это в данном случае строго противопоказано!

– Она поправится? – спросила я.

– Трудно сказать, – покачал головой Аникин. – Желудок мы промыли, даем комплекс противоядий – назально и внутривенно, но пока пациентка без сознания. Это очень плохо. Сейчас необходимо определить, каково состояние внутренних органов, так что пока трудно утверждать что-либо определенное.

– Значит, версия пищевого отравления себя не оправдывает?

– Похоже, нет, – подтвердил Дмитрий Сергеевич.

Я вышла из кабинета в растерянности. Вот уж чего не ожидала! Синильная кислота, в моем понимании, не тот яд, которым можно отравиться случайно. Существует, конечно, возможность проникновения через кожу или попадания через нос, но, судя по словам Аникина, этот вариант отпадает, ведь в желудке, крови и моче обнаружено слишком высокое содержание отравляющего вещества! Неужели кто-то пытался *намеренно* отравить Лиду? Это казалось просто невероятным: в конце концов, мы живем не во времена великих Медичи и даже не во времена Агаты Кристи, обожавшей истории о всевозможных ядах!

Что ж, остается одно – дожидаться результатов анализов из Центральной лаборатории.

Вечером я заглянула в реанимацию.

– Пациентка все еще без сознания, – сообщила мне медсестра. – Хотите на нее посмотреть?

Я хотела. Увидев Лиду, я пережила состояние легкого шока. В моей памяти Лида Коганер осталась девушкой полной, круглолицей, в общем – полной противоположностью своей матери и более женственной копией отца. Теперь же передо мной, опутанная проводами, в окружении приборов, лежала совершенно незнакомая женщина. Ее лицо было болезненно худым и сильно загорелым, а тело, насколько я могла различить под тонкой простыней, стало жилистым, тоже очень худым и стройным. Очевидно, Лида приложила немало усилий к тому, чтобы кардинально изменить свою внешность. Она не прибегла к хирургическому вмешательству, но, судя по всему, нещадно изводила себя диетами и спортивными нагрузками.

Я посмотрела на приборы: очень низкое давление, да и дышала Лида при помощи аппарата. Да, Аникин, похоже, прав: дела *очень* плохи. И что я должна сказать Елене Исааковне? С другой стороны, насколько я знала, если при отравлении синильной кислотой пациент не умер мгновенно из-за слишком высокой ее концентрации, то при оказании своевременной экстренной помощи лечение проходит довольно успешно и без особых последствий. Может, все еще и обойдется?

Я аккуратно, стараясь не задеть проводов, взяла Лиду за руку. Ее кожа оказалась на ощупь очень сухой и шершавой, как кора старого дерева.

* * *

Утром я первым делом заскочила в реанимацию. Вчерашняя малознакомая медсестра сменилась, и меня встретила Даша Дробыш, с которой мы всегда были в хороших отношениях. Правда, Даше уже хорошо за пятьдесят, но ни у кого в отделении не поворачивается язык называть эту крохотную женщину с детским лицом по имени-отчеству. Когда я объяснила Даше, к кому пришла, она округлила глаза.

– Ой, Агния Кирилловна...

– В чем дело? – спросила я, уже начиная понимать, но не желая верить.

– Она умерла ночью... Мне так жаль, честное слово!

Я сделала два глубоких вдоха, как учил меня Олег, и только потом задала следующий вопрос:

– А родственники в курсе?

– Они уже едут, – кивнула Даша. – Муж у нее – просто цунами, а не мужик: вчера тут такой скандал затеял, когда мест свободных не оказалось и пришлось ставить дополнительную койку! Представляю, что сейчас будет...

Признаюсь честно, наблюдать за тем, «что сейчас будет», мне не хотелось, да и первая операция начиналась через пятнадцать минут, поэтому я поспешила ретироваться. Я не могла поверить, что Лиды больше нет. Да, мы долго не общались, но все это время она жила где-то, чем-то занималась, и я при желании всегда могла бы с ней связаться, а теперь... Теперь она умерла, и нам больше никогда не удастся поговорить! А ведь порой всего-то и надо – снять

трубку, услышать знакомый голос и задать простой вопрос: «Ну, как живешь?» А действительно, как жила Лида? Почему она оказалась в больнице с таким невероятным отравлением? И почему, несмотря на оказание своевременной помощи, все-таки умерла?

По окончании рабочего дня я сочла своим долгом зайти к Коганерам. Смешно сказать, но Елена Исааковна живет всего в паре кварталов от меня, а мы ни разу не встречались! Я никогда не умела себя правильно вести во время траурных событий. Как анестезиологу, мне, слава богу, не приходится сообщать пациентам о неудачных исходах операций – этот труд берет на себя ведущий хирург, а я остаюсь в стороне. Так что практики в подобных делах у меня нет. Когда умер папа, мне хотелось все время быть одной, но я не могла себе этого позволить, потому что нужно было успокаивать маму, а она *думала*, что успокаивает меня, как и Дэн, поэтому в целом создавалась видимость того, что все мы друг друга поддерживаем в горестный час. А была б моя воля, я зарылась бы в песок недели на две, ни с кем не разговаривая, никого не видя, запрятав боль потери поглубже, – в общем, сделала бы именно то, чего не рекомендуют делать психиатры!

Поэтому я с трудом представляла себе, что скажу Елене Исааковне. Я даже не знала, захочет ли она со мной общаться! Однако, к моему удивлению, она, кажется, была рада меня видеть.

– Ох, Агния, как хорошо, что ты пришла! – воскликнула мать Лиды, бросаясь мне на шею. – Лидочка хотела бы этого...

Не думаю, что мы имеем право решать, чего хотел или не хотел бы покойный. Возможно, будь Лида духом и витай она сейчас под потолком этой гостиной, то сказала бы с укоризной: «Что, раньше не могла зайти, *подруга*? Понадобилось умереть, чтобы увидеть тебя наконец?» Я могла бы, конечно, возразить, что у Лиды тоже всегда был телефон и я не переехала жить в Антарктиду, но разве можно спорить с мертвыми? Честное слово, мне казалось, что сквозняк, раздувающий дорогие занавески на окнах Коганеров, временами принимает форму женской фигуры – худого, почти невесомого тела новой, совершенно незнакомой мне Лиды!

Когда мы с Еленой Исааковной вошли в гостиную, там уже сидели Владимир Лазаревич и незнакомый мне полный мужчина в очках. Я плохо знала отца Лиды, но он, как выяснилось, меня помнил. Другим оказался, как и можно было предположить, муж Лиды, Анатолий. Я пробормотала какие-то слова соболезнований, мужчины что-то пробурчали в ответ. Оба выглядели подавленными и растерянными.

– Я не понимаю, как такое могло произойти! – качая головой в прострации, проговорил Владимир Лазаревич, ни к кому особенно не обращаясь. – Лида всегда отличалась отменным здоровьем, скажи, Толик?

Муж Лиды тряхнул головой в знак подтверждения слов тестя.

– Из всех лекарств принимала только витамины и пищевые добавки, – продолжал ее отец. – И еще, кажется, слабительное – потому что так нужно было для поддержания диеты, которой Лидок строго следовала.

– Даже аспирин не пила, потому что никогда не болела! – вторила мужу Елена Исааковна. – Нет, такого просто не может быть! Это все еда в аэропорту, я не сомневаюсь...

– Но ведь Анатолий ел вместе с Лидой, насколько я понимаю? – предположила я. – А с ним все в порядке! Кроме того, если бы проблема заключалась в ресторанной еде, то мы имели бы гораздо больше жертв. Вы представляете, сколько людей каждый день проходит через этот пункт питания? Нет, Лида отравилась где-то в другом месте.

– Да какая теперь разница, где она отравилась? – впервые подал голос муж Лиды. – Ее больше нет! Кто за это ответит?!

– Нужно провести вскрытие, – сказала я. – Оно покажет состояние внутренних органов...

– Нет, ни за что! – воскликнула Елена Исааковна. – Чтобы Лидочку кромсали, как кусок мяса?! Я не позволю!

– Вы хотите узнать, что произошло с вашей дочерью? Или предпочитаете закрыть на все глаза и молча горевать?

– Она права, – заговорил Владимир Лазаревич. – Лена, мы должны, просто обязаны выяснить все до конца!

– Лидочке уже все равно! – снова расплакалась Елена Исааковна.

– Ей – да, – согласился муж, нежно обнимая ее за плечи. – Нам – нет!

* * *

Армен Багдасарян встретил меня любезно. Это был хороший знак: от Олега, его однокурсника, я знала, что наш патологоанатом не слишком любит общаться с коллегами, имеющими дело с живыми пациентами. Армен представлял собой полную противоположность людей своей профессии, как их обычно рисуют в кинофильмах – неаккуратно одетыми, рассеянными, поедающими бутерброды, разложенные прямо на трупе, вызывая в памяти сказки о вампирах, оборотнях и людоедах. Интеллигентный, одетый с иголочки Багдасарян производил самое приятное впечатление и чем-то напоминал патологоанатома из старого немецкого сериала «Инспектор Деррик», который под халатом носил смокинг и бабочку.

– Какими судьбами, Агния? – поинтересовался Армен.

Несмотря на то что работаем в одной больнице, впервые мы познакомились благодаря Олегу: выясняли, отчего умерла моя пациентка. Именно с этого визита и началось пресловутое расследование о подмене эндопротезов, которое взбудоражило всю больницу.

– Вы уже проводили вскрытие Лидии Томилиной? – спросила я.

Армен внимательно посмотрел на меня темно-кариыми, круглыми и влажными, как у лошади, глазами:

– А почему вы интересуетесь, Агния?

– Лида – моя школьная подруга, – пояснила я. – Мне и ее родителям хотелось бы знать, что с ней произошло и почему.

– Ну, на вопрос «почему», боюсь, ответить не смогу – это дело соответствующих органов, – покачал головой Багдасарян.

– Вы думаете, что смерть Лиды – криминальная? – изумилась я.

– Полагаю, что так, – кивнул он. – Судите сами: внутренние органы – печень, почки, сосуды, а особенно легкие – подверглись серьезным изменениям. Такого не случается при приеме большой дозы синильной кислоты одновременно. Я послал в Центральную лабораторию образцы волос, тканей и органов вашей подруги, но результаты будут не раньше чем через пять-шесть дней. Честно говоря, мне пришлось принять на веру то, что сказал лечащий врач об отравлении синильной кислотой, потому что подтверждающие это анализы из Центральной еще не пришли. Причина смерти – обширный отек легких, наступивший вследствие нарушения клеточного дыхания.

Как медик, я знала, что основное воздействие синильной кислоты заключается в угнетении клеточного дыхания. При приеме большой дозы возникает почти мгновенная смерть – в природе сравнительно мало ядов, которые действуют настолько быстро.

– В любом случае это всего лишь поверхностный осмотр. Если зайдете завтра, то я, возможно, смогу сказать больше, – закончил Багдасарян.

Итак, беседа с патологоанатомом дала больше вопросов, чем ответов. Идя по коридору к лифту, я столкнулась с группой мужчин. Их было четверо, в белых больничных халатах, но их лица не показались мне знакомыми. Разумеется, я знаю не всех врачей в нашей больнице – всех не запомнишь. Но вот эта странная компания вызвала у меня некоторое недоумение. Направлялись они, по всей видимости, именно к Армену. Один из незнакомцев – судя по всему, глава этой небольшой группы – взглянул прямо на меня, проходя мимо. От его взгляда мне стало

не по себе: большие темно-голубые глаза, практически лишенные ресниц, словно сканировали меня от макушки до пяток. Это длилось лишь мгновение, и потом мужчина отвернулся. Я едва поборолла искушение вернуться и посмотреть, в чем, собственно, дело, но меня ожидала следующая операция, а времени до нее оставалось в обрез.

* * *

Дома все оказались в сборе – большая редкость. Когда я говорю «все», то имею в виду маму, Дэна и Славку, моего бывшего мужа, который заходит время от времени пообщаться с сыном. Строго говоря, мы со Славкой пока еще формально не разведены – просто не видим в этом необходимости. Я вроде бы замуж не собираюсь – благодарю покорно, уже насладилась сполна годами супружества! Славка, на мой взгляд, гораздо больше заинтересован в том, чтобы оформить все официально, ведь у него недавно родился ребенок от другой женщины. Я не в обиде: за те два года, что он находился в бегах, прячась от кредиторов, у которых взял денег на раскрутку собственного бизнеса и прогорел, каждый из нас устраивал свою жизнь, как мог. Тем не менее мой бывший ни разу не заикнулся о разводе, а я не настаивала, потому что сама терпеть не могу бумажную волокиту. Если Славке надо, пусть сам позаботится о формальностях!

Я радовалась, что мы с ним смогли договориться без взаимных оскорблений и сцен. Дэн все еще сердился на отца из-за его бегства и того, что мне пришлось самой иметь дело с его кредиторами, но он отходчив, а потому я не сомневалась, что со временем обида полностью улетучится.

– Я подаю документы в университет! – с порога сообщил мне сынуля, пока я разбиралась с Кусей, нашей огромной черной терьершей, которая никак не желала отдавать мне тапку и требовала ласки.

– Один? – удивилась я, борясь с собакой. – Не посоветовавшись со мной?

– Я советовался с папой, – пояснил Дэн. – И с бабушкой. А с тобой мы почти не встречаемся, поэтому...

Он, разумеется, прав. Дэн сказал это без малейшего оттенка обиды, но я тут же почувствовала себя виноватой – как тогда, когда Данилка был еще совсем маленьким, а мне приходилось много работать, потому что Славка постоянно метался с одного места на другое, и постоянными заработками были только мой и мамин. Дэн всегда с пониманием относился к тому, что «маме надо в больницу», но на его маленьком детском личике и в широко распахнутых синих глазах я читала глубокую печаль каждый раз, когда оставляла его с мамой, а то и совершенно одного в пустой квартире. Теперь Дэну уже не так необходимо мое общество, но все же я в очередной раз дала себе слово поменьше работать и побольше времени проводить с сыном. Хотя теперь, пожалуй, это становится проблематичным не столько из-за меня, сколько из-за него самого!

– И что за университет? – поинтересовалась я. – Я думала, ты пойдешь в Мухинское.

– Брось, ма! Кому в наши дни нужны художники?

– Но ты, кажется, неплохо справляешься, – заметила я. – Была же выставка...

– Да, но одной живописью сыт не будешь! – прервал сынуля, отнимая наконец у Куси тапку и передавая его мне. – Я решил поступать на компьютерный дизайн – это гораздо более хлебное занятие в наши дни. А живопись – она же никуда не убежит?

Что ж, в этом он, наверное, прав. Я и сама до недавнего времени опасалась, что увлечение моего ребенка рисованием сослужит ему в жизни плохую службу: в стране слишком много художников и прочего богемного люда, еле сводящего концы с концами.

– Значит, компьютерный дизайн, – проговорила я, словно пробуя это словосочетание на вкус. – А экзамены? Мы должны что-то кому-то «дать»?

– Не волнуйся, – улыбнулся Дэн, – папа уже все сделал.

– Неужели? – подняла брови я.

Кажется, Славка все еще никак не может избавиться от чувства вины перед нами, поэтому ищет любую возможность хоть как-то угодить. Ну, это совсем неплохо.

– И много?

– Пусть это тебя не волнует, – сказал мой бывший, все это время стоявший в проходе между кухней и прихожей. – ЕГЭ по математике Дэн сдаст – он пробный на «пять» написал. С русским, правда, не все так замечательно, но ведь у него уже полтора года репетитор?

Да уж, спасибо бабушке: это она вовремя позаботилась о том, чтобы у сынули был хороший преподаватель по основным предметам, которые впоследствии в любом случае придется сдавать.

– В общем, пришлось, на всякий случай, подстраховаться: у меня, к счастью, есть знакомства в этой области.

Это правда: с тех пор как Славка начал заниматься компьютерами и программным обеспечением – вернее, торговлей всеми этими непостижимыми вещами, – у него появилось много знакомых, которые могли оказаться полезны и нашему сыну. Ну, слава богу, одной проблемой меньше: по крайней мере, вопрос с поступлением более или менее утрясен. Конечно, экзамены еще впереди, но я почему-то всегда была уверена в сынуле – он никогда меня не подводил.

Мама испекла свой коронный «наполеон», и мы все вместе сели пить чай.

– Да, твой Шилов звонил, – сказал с набитым ртом Дэн.

Явный прогресс: если моего бывшего любовника, Роберта Караева, сын называл кратко, но веско – «он», то Олег удостоился фамилии!

– Что говорил? – спросила я.

– Да ничего такого, просто просил с ним связаться.

Ну, понятно: мы сегодня не встречались, и Олег, по всей вероятности, хочет меня видеть. Я искоса взглянула на Славку. Он сосредоточенно жевал «наполеон», но желваки на его шее предательски задвигались при упоминании чужого имени. Господи, как же хорошо быть свободной женщиной и не отчитываться ни перед кем! Правда, не могу сказать, что Славка был очень ревнивым во время нашей совместной жизни, ведь это он не пропускал ни одной юбки. Однако я поймала себя на мысли о том, что мне приятна реакция моего бывшего – не все же коту масленица!

– Я пойду к себе, – сказал сынуля, прихватив с собой еще пару кусков торта – и куда только вмещается такое количество калорийной пищи, не оставляя никаких заметных следов? Боже, где мои семнадцать лет?!

– А я что-то устала, – сказала мама, поднимаясь. – Пойду полежу, почитаю.

Таким образом, мы со Славкой остались одни.

– А как на работе? – поинтересовался он – предполагаю, лишь для того, чтобы я не вздумала говорить о Шилове. Напрасный труд: я и так не собиралась, у меня вполне хватает такта не обсуждать с бывшим мужем нынешнего любовника.

– Умерла моя подруга, – сказала я, и лицо Славки вытянулось.

– Мне очень жаль! – пробормотал он.

– Похоже, ее отравили, – продолжала я, внезапно почувствовав необходимость с кем-то это обсудить. Мама не подходила, так как знакома с семьей Коганер, а Славка вполне мог сойти за нейтральное лицо, и, кроме того, он всегда отличался способностью внимательно слушать и сопереживать – это, пожалуй, одно из его самых выигрышных качеств.

– Отравили? – изумленно поднял брови Славка. – Что, прямо ядам?

Я кивнула.

– Вот это да! А не слишком ли это старомодно? Попахивает Агатой Кристи...

– То-то и оно, – вздохнула я. – Странно это как-то... Тем более – синильная кислота, представляешь?

Бывший только присвистнул.

– Кому могла помешать твоя подруга? – спросил он.

– Понятия не имею!

– А у нее есть муж?

– При чем здесь он? – удивилась я.

– Ну как же: в таких делах первыми подозреваемыми всегда становятся муж или жена – закон всех детективов!

– Нет, не думаю, – покачала я головой. – Не тянет он на убийцу. Кроме того, зачем ему это?

– Только не вздумай выяснять! – замахал руками Славка, судя по всему, уже пожалевший о своих словах и о том, на что они могут меня толкнуть. – Она, конечно, твоя подруга, но ты помнишь, что случилось в последний раз, когда тебе взбрело в голову разыгрывать из себя сыщика?

Неужели ему никогда не надоест об этом напоминать?! Здесь они с Шиловым – два сапога пара; вот почему я решила ничего не рассказывать Олегу о Лиде.

Проводив Славку, я звякнула Шилову. Он хотел меня видеть, причем немедленно, но я была просто не в силах собраться и ехать на другой конец города. Даже его предложение подобрать меня на машине показалось не слишком заманчивым, и я, как обычно в таких случаях, отговорила усталостью. Олег всегда правильно понимал слова «Я устала»: в конце концов, у него та же профессия, и он сам, случается, чувствует себя таким измотанным, что не хочет никого видеть и слышать – даже меня. Мы давно договорились не обижаться друг на друга, поэтому, посетовав пару минут на наши не совпавшие сегодня биополя, Олег попрощался, и я повесила трубку.

Усевшись перед зеркалом, я распустила волосы и принялась внимательно изучать свое отражение. Морщин почти нет – спасибо мамочке и ее отличной наследственности: несмотря на свои семьдесят с небольшим, ее кожа до сих пор остается гладкой и мягкой, как у молодой женщины. Но практически сразу же в отражении стали проступать другие черты – не мои, совершенно незнакомые... Нет, пожалуй, все же знакомые! Теперь из зеркала на меня глядела некрасивая девочка – толстощекая, дебелая, с очень тонкой, но угреватой кожей. Ее волосы, не то светлые, не то рыжие, заплетены в две жалкие косички, а маленькие глаза неопределенного цвета смотрят на мир с сомнением, словно не веря, что он примет ее такой, какая она есть. Это лицо принадлежало Лиде Коганер – той Лиде, которую я знала раньше. Несмотря на недостаток в семье, на связи и положение, эта девочка никогда не была довольна собой. Наверное, именно это заставило Лиду полностью измениться, как только она выросла из школьного платица и обрела самостоятельность. Она похудела – не просто сбросила пару-тройку килограммов, но превратилась в очень стройную, даже тощую, женщину. Очевидно, это стоило ей дорого: кожа, и так от природы не отличного качества, стала пергаментной, несмотря на молодой возраст. Хотя от угрей Лиде все же удалось избавиться!

* * *

С утра пораньше я сразу же заскочила к Багдасаряну. Сегодня, однако, он встретил меня не так радушно. Это меня удивило: ведь патологоанатом сам предложил мне зайти, чтобы узнать результаты.

– А-а, Агния, – протянул он нехотя. – Чему обязан?

Вот это да! Кажется, Багдасарян и в самом деле решил сделать вид, что мы ни о чем не договаривались?

– Послушайте, Армен, – сказала я, не собираясь принимать правила этой странной, непонятной мне игры, – мы же условились, что я приду сегодня и вы сможете больше рассказать мне о смерти...

– Извините, Агния, – прокашлявшись, произнес Багдасарян, явно избегая смотреть мне в глаза. – Дело в том, что ситуация, как бы это сказать... изменилась.

– Что это значит?

– Я больше не занимаюсь вашей подругой.

– Не занимаетесь? – удивленно переспросила я. – А кто занимается?

– Видите ли, – подавляя вздох, ответил патологоанатом, – мне и самому это не нравится, но... В общем, у меня забрали тело.

– Что-о? Тело Лиды – забрали?! Когда?

– Вчера, почти сразу после того, как мы расстались.

– Но кто? Кто это сделал? Милиция? Прокуратура?

– Точно не знаю, – покачал головой Армен. – Но у них имелось предписание от главного, а вы ведь знаете, как трудно получить от него подпись на любом документе, за исключением разве что направления на госпитализацию – и то не наверняка!

И тут меня осенило – хоть и с некоторым опозданием.

– Это те люди, да? Которые приходили сюда прямо после нашей с вами встречи?

Багдасарян неопределенно повел плечом.

– Кто они? – настаивала я.

– Понятия не имею – они, знаете ли, не распространялись!

– А как же родители Лиды, ее муж? Разве для того, чтобы перевезти тело, не нужно разрешение семьи?

– Во-первых, нет, – ответил Армен. – У нас не Америка, здесь власти могут распоряжаться всем и вся, и семья может что-либо доказать или потребовать только через суд, а это, сами понимаете, при данных обстоятельствах маловероятно. Но, во-вторых, этот вопрос, кажется, тоже как-то урегулирован – во всяком случае, у этих ребят была подпись мужа вашей подруги.

Я не могла в это поверить! Происходящее сильно смахивало на западные полицейские триллеры, когда различные правоохранительные ведомства дерутся каждый за свою юрисдикцию и уводят доказательства друг у друга из-под носа. Как ни печально, доказательством в этом деле являлась моя мертвая подруга. Только вот доказательством чего?

Судя по всему, Багдасарян чувствовал себя крайне неловко из-за того, что ничего не может мне рассказать. Более того – он явно злился, хоть и старался сдерживаться. Я вышла от него озадаченная! Что теперь? Забыть обо всем и вернуться к своим делам? Их у меня полно, но как же так? Может, стоит снова посетить Коганеров?

Я решила сделать кое-что другое. Видит бог, я с удовольствием избежала бы визита к главному, потому что посещение его кабинета относится к удовольствиям *гораздо* ниже среднего. Более того, он мог вообще отказаться отвечать на мои вопросы, потому что – кто я, собственно, такая, чтобы требовать ответа от *самого* Доброва? Тем не менее я решилась и, набрав в легкие побольше воздуха, постучала в его дверь.

Как обычно, на лице нашего босса читалось выражение недовольства: его побеспокоили в середине рабочего дня! Одно дело, когда Добров сам вызывает кого-то «на ковер», и совсем другое – когда кто-то из сотрудников решается зайти сам, по собственной инициативе. Я не великий психолог, но за годы работы неплохо изучила главного. Почему он так не любит неожиданных визитов подчиненных? Именно потому, что они *неожиданные*! Добров понятия не имеет, что они могут сказать, и не знает, как на это следует реагировать. Когда он вызывает кого-нибудь, чтобы отругать, то это всегда выглядит как хорошо отрепетированное представление – этаким театром одного актера. Главный читает монолог, изобилующий колкими, злыми эпи-

тетами, а провинившийся стоит, опустив голову, вынужденный все это выслушивать. Если же посетитель, не являющийся пациентом, приходит без предупреждения, Доброву приходится импровизировать, а этого он не любит да и – чего греха таить! – не умеет делать.

Но на этот раз я не собиралась выступать в роли девочки для биття.

– Сергей Никандрович, что произошло с телом моей подруги Лидии Томилиной? – бросилась я с места в карьер. – Почему его изъяли из больничного морга?

В течение нескольких секунд он пытался сделать вид, что не понимает, о чем это я, но, очевидно заметив и оценив мою решимость выяснить все до конца, оставил свои попытки. Теперь его лицо выражало не недовольство или досаду, а злость – но не на меня, как выяснилось.

– Томилина была вашей подругой? – уточнил Добров, и мне показалось – о чудо! – что в его скрипучем голосе прозвучало некое подобие сочувствия. – Очень сожалею. Тем не менее я не стану обсуждать с вами происходящее.

Это должно было немедленно отправить меня за дверь, но я не сдавалась.

– Что за люди забрали тело? – спросила я, не обращая внимания на то, что Добров поднялся с места, всем своим видом показывая, что разговор окончен. – Имейте в виду, Сергей Никандрович, я все равно это выясню, можете вы мне или нет!

Главный посмотрел на меня так, словно видел впервые в жизни. Что ж, возможно, так оно и было: Добров любит привлекательных женщин, но ни в коей мере их не уважает. Для него красивая женщина или девушка – это всего лишь глупенькая кукла, поэтому, если «кукла» внезапно начинает проявлять характер, главный испытывает удивление оттого, что существо, созданное исключительно для того, чтобы носить кружевное боди и хлопать ресницами, вдруг заговорило и чего-то требует.

– Вы... собираетесь... выяснять? – недоверчиво переспросил Добров.

– Непременно! – подтвердила я. – Помните, однажды у меня уже получилось?

– Да, – усмехнулся он, – и я помню, что это едва не закончилось для вас фатально – какая была бы потеря для нас!

Теперь уже растерялась я, потому что не могла по его тону понять, издевается главный или говорит серьезно.

– Вы действительно хотите все знать, Агния Кирилловна? – спросил он после непродолжительной паузы. – Извольте: тело забрал ОМР.

– ОМР? – переспросила я. – И что это значит?

– Понятия не имею, – снова усмехнулся Добров. – Они не сообразовали мне сообщить, но зато предоставили бумагу, требующую от меня полного и безоговорочного сотрудничества. Как вам это – «сотрудничества»?

В последнее слово главный вложил все презрение, на которое был способен.

– Кто же их прислал? – не отставала я. – Прокуратура? Или Комитет здравоохранения?

– Берите выше!

– Куда еще выше? – не поняла я.

– У них было распоряжение губернатора.

– Губернатора? А какое отношение губернатор может иметь к смерти Лиды?

– Знаете, Агния Кирилловна, – усталым голосом произнес Добров, – я с удовольствием удовлетворил бы ваше законное любопытство, но, боюсь, это не в моих силах. Мне действительно очень жаль, что такое несчастье произошло с вашей подругой, но, думаю, те, кому это надо, и без вашей помощи во всем разберутся. В конце концов, главными заинтересованными лицами в деле являются родственники Томилиной, а они, насколько я понимаю, дали свое согласие на перевозку тела. Таким образом, ни меня, ни вас это больше заботить не должно. Разве у вас нет сегодня операций?

Добров, разумеется, прав: операции у меня были, причем целых пять, и одна из них началась уже через десять минут, если судить по большим электронным часам у него на столе. Пробувнив нечто, сошедшее при данных обстоятельствах за прощание, я выскочила в коридор. Происходящее казалось мне каким-то плохим триллером – с заговором высших сфер и похищением трупа!

* * *

Я обожаю куда-то выходить с Шиловым, это – настоящий праздник. Он умеет себя подать, хорошо одевается, выглядит как настоящая кинозвезда – причем даже не отечественная, а самая что ни на есть голливудская! В этом, конечно же, есть один существенный минус: приходится ему соответствовать, а это нелегко. С другой стороны, такое положение вещей заставляет меня все время держаться в тонусе, потому что для мужчины под сорок выглядеть хорошо – это аксиома, а для женщины – искусство.

Вот и сегодня я провела в ванной и перед зеркалом не менее трех часов, приводя в порядок свое лицо и подбирая подходящий наряд. Я промучилась очень долго, пока не остановилась наконец на длинном сером платье с глубоким декольте. Я ни за что не решилась бы выставить напоказ грудь и шею, если бы последние дни не выдались столь жаркими и я не успела немного загореть – на крыше больницы, в перерывах между операциями. Крыша – мое тайное убежище. Она плоская, там тихо, хотя и несколько грязновато, но я притащила туда старое раскладное кресло, как только солнце в начале мая стало пригревать. С тех пор как только выдается свободная минутка, я бегу туда, чтобы урвать солнечные лучи, столь редкие в Питере – в конце концов, мы ведь живем не в Бразилии!

– Шея слишком открытая! – заметил Дэн, когда я вышла в гостиную, чтобы продемонстрировать свой наряд. Я решила, что сынуля имеет в виду слишком глубокий вырез, но он тут же добавил: – Нужно какое-то украшение.

А ведь он прав: глаз художника замечает все! Я вернулась в мамину комнату и, порывшись в ее шкатулке, извлекла оттуда ожерелье из черного жемчуга, подаренное ей мною на пятидесятилетие. Оно идеально подошло к платью и черным туфлям на каблуках. Ну да, я надела-таки каблуки! На работе никогда этого не делаю, потому что невозможно носить шпильки, когда приходится бегать из отделения в отделение. Даже в туфлях на плоской подошве ноги к концу дня гудят, словно позади олимпийская дистанция. Но сегодня я могла себе это позволить.

Восхищение, написанное на лице Олега, вознаградило меня за все усилия.

– Чем я тебя заслужил? – спросил он, улыбаясь, после того как поцеловал меня за ухом – в одну из моих самых чувствительных к ласкам точек.

– Тебе дали приз за ударный труд, – пошутила я.

– Надеюсь, этот приз – не переходящий? Он останется со мной до конца жизни?

– Посмотрим на твоё поведение. Так теперь ты скажешь мне, куда мы едем?

– Увидишь.

Мы оставили машину на платной стоянке: по центру города лучше всего передвигаться пешком, особенно в пятницу вечером. Народ, высыпавший из тесноты офисов, рвался в места развлечений – в рестораны, бары, театры, – благо в нашем городе не приходится долго искать, где бы хорошо провести время. Олег тащил меня за руку до тех пор, пока я не поняла, что мы приближаемся к Аничкову дворцу, теперь являющемуся Дворцом творчества юных. Помню, как-то раз, еще будучи в школе, меня премировали – уже не припомню, за что именно – пригласительным билетом сюда. Вроде бы мы слушали концерт, который давали детишки нашего возраста.

– Нам что, сюда? – удивленно поинтересовалась я, когда Олег подвел меня к парадному входу. Помимо нас двоих здесь толпилось много разодетого в пух и прах народа: женщины, некоторые были в длинных, чуть ли не бальных платьях, и мужчины в смокингах и вечерних костюмах.

Шилов предъявил охранникам какую-то карточку, и мы вошли в ярко освещенный хрустальными люстрами холл. Похоже, детьми тут сегодня и не пахнет! В огромном зале для приемов, куда провел нас услужливый парнишка в униформе, стояли длинные столы, между которыми сновали официанты с подносами. Я краем глаза заметила, что у каждого столового прибора стояла карточка с именем! Я никогда не присутствовала на приемах такого масштаба, а потому вдруг растерялась и беспомощно посмотрела на Олега.

– Послушай, – зашептала я ему в ухо, – ты мог бы, по крайней мере, меня предупредить!

– А ты тогда пошла бы?

Я вынуждена была признать его правоту: ни за что! Я панически боюсь крутых тусовок, больших скоплений народа и никогда не хожу на демонстрации, народные гулянья и праздники города. Возможно, ради Олега я и наступила бы себе на горло... но уж никак не в случае торжественного приема в Аничковом дворце. Среди этих мужчин и женщин я казалась себе серой мышью в своем платье и скромном жемчужном ожерелье, которые прекрасно подошли бы для любого другого случая!

– Не дергайся! – словно прочитав мои мысли, сказал Шилов. – Ты прекрасна, и никто не станет с этим спорить, поверь!

Мне очень хотелось верить, так как в окружении шикарно одетых дам, увешанных драгоценностями и камнями, моя самооценка начала стремительно падать. Озираясь по сторонам, я взглядом наткнулась на два больших плаката. Они стояли по обе стороны от возвышения, на котором располагалась кафедра наподобие университетских. На одном из них было изображено странное, явно мужское лицо, словно собранное из кусочков разномастной мозаики. Казалось, создатель этого «шедевра» нисколько не заботился о его эстетичности. Со второго плаката смотрело практически идентичное лицо, но на этот раз женское. Прямо за кафедрой располагалась прикрепленная к стене плазменная панель. Это что, какой-то закрытый показ?

– Может, пора уже мне объяснить, куда я попала? – спросила я у Шилова.

– Садись, – приказным тоном сказал Олег, буквально толкая меня на стул. Я увидела, что собираюсь сесть прямо напротив таблички с собственным именем.

Едва мы успели устроиться на своих местах, как свет в зале слегка приглушили, и все глаза устремились к кафедре, на которую уже поднималась молодая женщина, одетая в простой черный костюм без единого украшения. Впервые за двадцать минут я почувствовала себя лучше: оказывается, среди всех этих расфуфыренных людей я не самая скромно одетая персона! Легонько постучав по микрофону, призывая присутствующих к молчанию, женщина улыбнулась, демонстрируя безупречно белые виниры на передних зубах.

– Уважаемые господа! – радостным голосом обратилась она к аудитории. – Мы рады приветствовать вас на нашем благотворительном вечере, посвященном сбору средств на строительство нового центра детской реконструктивной хирургии.

Женщина сделала эффектную паузу. Народ в зале вежливо похлопал.

– Интересно, – шепнула я на ухо Олегу, – как всех этих толстосумов сюда заманили? Снижением налоговых ставок при условии благотворительного взноса? Или Пугачева с Галкиным будут выступать?

Шилов только слегка искривил губы в некоем подобии снисходительной улыбки. А выступающая между тем продолжала:

– Ваша готовность протянуть руку помощи тем, кто в ней нуждается, уже сама по себе достойна восхищения, но сегодня с нами человек, который не понаслышке знаком с чужим горем. Прошу вас поприветствовать Андрея Эдуардовича Лицкявичуса, полковника медицин-

ской службы в отставке, реконструктивного хирурга и, как многие из вас, наверное, знают, известного писателя.

На этот раз аплодисменты были гораздо более дружными. Ну, вот я и увижу таинственного Лицкявичуса! Кажется, теперь я поняла, зачем Шилов притащил меня сюда. Вот только как ему удалось заполнить приглашение?

Тем временем на кафедру поднялся высокий, худощавый мужчина в темно-синем костюме. Он повернулся к аудитории, слегка улыбнулся, и я чуть не подпрыгнула на своем стуле, потому что мгновенно узнала этого человека. Да разве можно вообще когда-нибудь забыть эти пронзительные льдисто-голубые глаза, удивительно контрастирующие с темным от загара лицом? И где это, спрашивается, ему удалось так «поджариться», ведь живем-то мы не в Лимасоле каком-нибудь, а в Питере, своего рода климатической черной дыре, притягивающей циклоны, наводнения и черт знает что еще! Именно его я видела в составе группы мужчин, пришедших к Багдасаряну сразу после моего ухода, – в этом у меня не было ни малейшего сомнения! Значит, это и есть Андрей Лицкявичус, чью книгу давал почитать мне Олег? Интересно, сколько ему может быть лет? Волосы седые, слегка выующиеся, но чисто выбритое лицо, морщин не много. Сорок пять? Пятьдесят?

Напряженно разглядывая Лицкявичуса, я пропустила начало его речи, но потом спохватилась и включилась.

– ...не имеет аналогов, – говорил он. Я не заметила ни малейших признаков акцента, хотя этого вполне можно было ожидать – судя по фамилии. – Как вы понимаете, на закупку этого оборудования нужны деньги. К сожалению, материальный аспект – наша основная проблема. Руки хирурга, конечно, могут многое, но их одних недостаточно. Прошу внимание на экран, – и он щелкнул какой-то кнопкой на пульте ноутбука.

На экране возникло лицо девочки. Вернее, то, что данное существо является девочкой, я скорее почувствовала, нежели увидела – уж слишком страшное впечатление производило лицо, практически лишенное нижней челюсти, со впалым носом и настолько широко посаженными глазами, что, казалось, они принадлежат профилям двух разных детей, а не анфасу одного! На следующем кадре была все та же девочка, но теперь с восстановленной нижней челюстью – уже одно это делало ее красавицей, как мне показалось. Следующий слайд – и нос оказался именно там, где ему и положено находиться: маленький аккуратный носик, которому позавидовала бы любая актриса.

Я так увлеклась, что опять перестала слышать слова выступающего. Однако, насколько я смогла сообразить, речь шла о закупке нового оборудования, необходимого для реконструктивных операций детей. Думаю, Лицкявичус, с его уверенной манерой говорить, низким голосом, представительной внешностью – пожалуй, немного слишком уж суровой для публичного человека, – имел грандиозный успех. Вот уж не думала, что людей, включая женщин в бриллиантах, на лицах которых до речи Лицкявичуса читалась лишь скука, настолько воодушевит его выступление.

– А теперь я приглашаю сюда Ивана Михайловича Зорина, ведущего хирурга клиники реконструктивной хирургии Санкт-Петербурга, – завершил свою речь Лицкявичус. – От него вы можете получить всю информацию, что называется, из первых рук. Он же озвучит и конкретные цифры...

– Почему он вызывает другого хирурга? – спросила я у Олега.

– Потому что, насколько я знаю, Лицкявичус не занимается детьми, – ответил он.

– Тогда зачем его пригласили? – недоумевала я.

– Он – известная личность, как, скажем, доктор Рошаль. Уверен, его имя соберет больше денег, чем любые фотографии самых несчастных детей! Вон, гляди, – и Шилов кивнул в сторону первых столиков у самой кафедры. Там явно возникла какая-то заминка. Приглядевшись повнимательнее, я поняла, что некоторые из присутствующих сунули Лицкявичусу книги

для автографа. Когда он, всего на одно мгновение, оторвался от своего занятия, я заметила плотно сжатые губы, словно хирург испытывал крайнюю степень раздражения, но не мог позволить себе явно продемонстрировать ее. Врач, приглашенный им на кафедру, все это время терпеливо ждал, когда же ему наконец можно будет сказать свое слово.

Вместо того чтобы сесть в зале, Лицкявичус, закончив с автографами, быстро направился к выходу.

– Мне надо в туалет, – бросила я Шилову и вскочила.

– Не задерживайся! – зачем-то попросил Олег.

– Ну, это уж как получится, – сквозь зубы пробормотала я, направившись в ту же сторону, что и Лицкявичус. Бежать в длинном платье мне было несподручно, а этот человек передвигался прямо-таки с космической скоростью: выскочив в коридор, я уже его не увидела, только слышала гулкие шаги впереди.

– Андрей Эдуардович! – закричала я во всю мощь своей глотки в надежде, что он меня услышит. – Подождите!!!

Шаги замедлились, а потом я услышала, как они возвращаются. Лицкявичус вывернул из-за угла и удивленно на меня уставился.

– Это вы кричали? – не слишком вежливо поинтересовался он. – Хотите книгу подписать?

– К сожалению, я ее не захватила, – отдуваясь после быстрой ходьбы на каблуках, выпалила я.

Мне показалось, что в холодных глазах Лицкявичуса зажегся огонек интереса.

– Тогда чего вы хотите? – спросил он. – Взносы будут принимать в зале...

– Боюсь, я недостаточно зарабатываю, чтобы сделать хоть сколько-нибудь значительный взнос! Меня интересует, зачем вы забрали из больничного морга тело Лидии Томилиной!

Глаза Лицкявичуса широко распахнулись.

– А вы-то какое имеете к этому отношение? – потрясенно спросил он.

– Она была моей подругой, и я хочу знать, зачем ее тело перевезли и передали какому-то ведомству? Вы относитесь к ОМР? Я правильно понимаю, что вице-губернатор предлагала мне присоединиться именно к вам? ОМР означает Отдел медицинских исследований?

Я знала, что бессвязные вопросы сыплются из меня как из рога изобилия, но ничего не могла с собой поделать: мне требовались ответы, причем немедленно! И еще я не сомневалась, что если этот человек сейчас уйдет, то я никогда этих ответов не получу.

Лицкявичус смотрел на меня, слегка склонив голову набок.

– Вы – Агния Смольская? – наконец проговорил он с каким-то странным выражением. – Вы, по-моему, отказались от предложения вице-губернатора, не так ли?

– Отказалась, – подтвердила я. – Но я понятия не имела...

– В общем, так, – прервал меня Лицкявичус, – сейчас у меня нет времени на светские беседы.

Он вытащил из кармана ручку и визитную карточку, что-то быстро нацарапал на обратной стороне и протянул мне. Затем, без извинений, не прощаясь, повернулся ко мне спиной и пошел к выходу. Бежать за ним показалось мне не самой мудрой идеей, поэтому я посмотрела на оставленную мне визитку. Надпись на ней гласила: «Бизнес-центр «Волна», 8-й этаж, офис 55. 9.06 в 9.00».

Итак, Лицкявичус назначил мне встречу на завтра, не спрашивая, смогу ли я прийти, удобно ли мне в выходной день мчаться в неизвестно где расположенный бизнес-центр к девяти утра! Чем дальше, тем больше я убеждалась в том, что правильно поступила, не приняв предложение вице-губернатора вступить в ОМР: если этот человек, не имеющий ни малейшего понятия об элементарной вежливости, руководит данной группой, то мне там явно делать нечего. Моим первым желанием было порвать визитку на мелкие кусочки, но я не стала этого делать, а

положила ее в сумочку и в задумчивости вернулась в зал. Там уже вовсю разыгрывалась лотерея, и Шилов принимал в ней самое активное участие.

– Я и тебя записал, – радостно сообщил он мне. – Слушай, уже оглашают имена победителей!

Между прочим, насчет приглашенных артистов я не ошиблась. Правда, Галкина с Пугачевой мы так и не увидели, зато приехали Корнелюк, Боярский и несколько актеров Театра музыкальной комедии. Между выступлениями среди столиков расхаживали красивые девушки, собирая пожертвования, а на экране за кафедрой высвечивались цифры, обозначающие суммы благотворительных взносов в режиме реального времени.

В общем, вечер оказался неплохим, и я непременно получила бы от него массу удовольствия, если бы голову мою не занимали мысли о Лицкявичусе, таинственном ОМР и исчезновении тела Лиды из больничного морга. Садясь в машину, чтобы ехать к Шилову, я раз двадцать пообещала себе, что ни за что не поеду в этот дурацкий бизнес-центр. Ложась в постель, я еще несколько раз произнесла про себя то же самое обещание. Когда нежные руки Олега начали мягко ощупывать мое тело, прикасаясь к самым чувствительным местам, мысли об этом вообще вылетели у меня из головы. Его язык дотронулся до моего пупка, и я напрочь позабыла о сегодняшнем вечере. Олег откинул волосы с моей шеи, поцеловал меня в мочку уха, и... Какой такой Лицкявичус?..

* * *

Наутро я вскочила в семь. Олег даже не пошевелился: в обычные дни ему приходится вставать около шести, поэтому в выходные он прячет будильник подальше и спит до полудня. Обычно я не имею ничего против, так как хронический недосып по утрам сказывается на моей внешности не самым благотворным образом, однако сегодня – другой случай. Почему-то я не сомневалась, что обязательно просплю, ведь я не поставила будильник. Тем не менее он, очевидно, сработал у меня в голове.

Выглянув в окно, я увидела, как солнечные лучи окрашивают крыши близлежащих домов и парк, расположенный по другую сторону шоссе, в золотой цвет. Черт, если бы сейчас шел дождь, я забила бы обратно под одеяло, прижалась к Олегу и отключилась еще как минимум часов на пять. Но погода обещала быть прекрасной, я уже поднялась – сна ни в одном глазу, поэтому, судя по всему, пора собираться и ехать в этот несчастный бизнес-центр: я была уверена, что, опоздай я хоть на пару минут, этот грубиян Лицкявичус даже дверь мне не откроет!

Быстренько приняв душ и натянув джинсы и футболку, я нацарапала записку Олегу, что иду домой и потом позвоню. Он будет озадачен и решит, что в чем-то виноват, но пока мне не хотелось распространяться о предстоящей встрече, так как я понятия не имела, чем она закончится. Я залезла в Интернет с шиловского ноутбука и нашла «Волну». Оказалось, этот бизнес-центр располагается недалеко от станции метро «Приморская», поэтому пришлось потопрапливаться: от дома Олега до «Приморской» почти час езды!

К половине девятого, когда я вышла из метро, солнце уже палило вовсю. Удивительны причуды питерской погоды: то целые дни напролет льет как из ведра, а то вдруг в начале июня, когда, если считать по старому стилю, весна еще не закончилась, стоит невыносимая жара, как в Арабских Эмиратах!

«Волна», как выяснилось, находилась буквально в двух шагах от метро. Сразу стало ясно, что сегодня – суббота, потому что обычной активности, царящей в таких местах в будни, не наблюдалось. Ленивый охранник даже не соизволил поднять свой зад, чтобы поинтересоваться, с чего это вдруг я заявилась сюда в выходной. Восьмой этаж оказался последним в здании. Выйдя из лифта, я огляделась.

– Здравствуйте! – услышала я вежливый голос за спиной и обернулась. Видимо, этот охранник ленью не отличался и был всегда начеку. – Вам куда?

– Мне в офис 55, – сама удивляясь своей внезапной робости, пробормотала я. – Я...

– Смольская? Проходите, пожалуйста.

Черт, Лицкявичус, похоже, нисколько не сомневался в том, что я обязательно явлюсь! Выйдя в круглый холл, где стояла красивая мебель из белой и черной кожи, я стала озиаться по сторонам в поисках дверей. Дверь оказалась всего одна, справа от журнального столика. На ней не значилось никаких цифр, но, так как других вариантов не было, я постучала.

– Входите!

Голос был женский, очень звонкий и веселый – вот уж чего не ожидала! Я вошла в большой кабинет, разделенный перегородкой на две части. В первой части располагалось несколько компьютеров и гигантский телевизор, врезанный прямо в стену. Посреди всего этого стояло странное существо в пестром одеянии. Первой пришедшей мне на ум ассоциацией была Пеппи Длинныйчулок. Девушка была маленькой – ну просто *очень* маленькой! – и молодой. Она показала мне совершеннейшим ребенком – в полосатых колготках, цветастых кедах, короткой юбчонке и двух или трех футболках, надетых одна на другую. Волосы, ярко-рыжие и густые, были заплетены в мелкие дреды синего и зеленого цвета.

– Привет! – радостно сказала девушка – или девочка? – и подскочила ко мне, протягивая вперед маленькую ладошку с окрашенными в траурно-фиолетовый цвет ногтями. – Я – Вика, а вы – Агния!

Это представление походило на берроузовское «Ты – Джейн, я – Тарзан». Странно, но мне даже в голову не пришло напомнить девчужке, что я старше ее, по меньшей мере, вдвое и называть меня по имени не совсем удобно. Напротив, я решила, что это вполне приемлемо – в конце концов, она ведет себя исключительно дружелюбно, в отличие от Лицкявичуса!

– Что я могу для вас сделать? Чай, кофе, лимонад? Вам нравится наш офис? Круто, правда? Здесь раньше было модельное агентство... – продолжала тараторить Вика, пока я осматривалась. – Отличная техника! – сказала девушка, заметив, что я рассматриваю компьютеры. – Никогда не думала, что мне удастся поработать с четырехъядерными компами, с «РиКами» и так далее... Так вам кофе сделать?

– Да, пожалуй, – согласилась я, присаживаясь в одно из удобных компьютерных кресел с высокой спинкой. – А Андрей Эдуардович...

– Он сейчас придет, – прежде чем я успела закончить, ответила Вика, бросаясь за перегородку. Через несколько секунд я услышала звук работающей кофе-машины, и аромат свежемолотых зерен приятно защекотал ноздри. Я взглянула на экран компьютера, перед которым сидела. В нижнем правом углу экрана часы показывали без пяти девять. Вика, кофе и Лицкявичус появились практически одновременно: первые двое – из-за перегородки, последний – через дверь, в которую несколько минут назад вошла я сама.

В джинсах и белой рубашке с закатанными рукавами, Лицкявичус, возможно, и выглядел несколько менее официально, чем на вчерашнем приеме, но ничуть не менее сурово – с поджатыми губами (интересно, это его выражение лица хоть когда-нибудь меняется?) и холодными светло-голубыми глазами на загорелом лице.

– Шеф! – радостно воскликнула Вика, словно не ожидала его появления. Я уже успела уяснить, что девочка обладала удивительной способностью радоваться всему, что говорило о счастливом характере. – Агния пришла!

– Какая неожиданная радость! – сквозь зубы процедил Лицкявичус, и стало совершенно очевидно, что испытываемые им эмоции были далеки от озвученной. – Вы вовремя, – заметил он, тем не менее бросив взгляд на компьютерные часы. – Пройдемте со мной.

Его слова прозвучали равносильно приказу. Мне не оставалось ничего иного, как повиноваться и пройти вместе с Лицкявичусом за перегородку. В отличие от той части, где заправ-

ляла Пеппи, здесь обстановка была комфортной, как в кабинете у психотерапевта, за исключением одной маленькой детали: нигде не наблюдалось кушетки.

– Присаживайтесь, – отрывисто предложил Лицкявичус, опускаясь в глубокое кожаное кресло и взглядом указывая на второе, напротив.

– Вы неплохо устроились, – заметила я, пытаюсь прервать неловкое молчание, наступившее сразу же вслед за этим. – Отличный офис: похоже, городское правительство хорошо заботится о своих...

– Городское правительство не имеет к этой обстановке никакого отношения, – прервал меня Лицкявичус в своей обычной грубоватой манере. – Этот офис спонсирует клиника реконструктивной хирургии, где я работаю большую часть времени. У ОМР нет собственного помещения, вам должны были об этом сказать.

Сейчас я вспомнила, что вице-губернатор и в самом деле сообщила мне эту информацию, я просто не обратила на нее внимания, так как подумать не могла, что когда-нибудь снова услышу об этой организации.

– Вы хотели выяснить про вашу подругу, – продолжал Лицкявичус. – Можете не беспокоиться, она в надежных руках.

– Но почему ее переместили? – спросила я. – Судя по всему, ее смерть – криминальная, а потому ею должны заниматься органы следствия, разве не так?

Лицкявичус посмотрел на меня с сомнением, словно размышляя, стоит говорить мне больше, чем он уже сказал, или нет. Решив в пользу первого, он снова заговорил:

– У нас есть информация, что смерть вашей подруги представляет собой нечто большее, чем обычное частное преступление.

– То есть? – насторожилась я.

Лицкявичус, не поднимаясь, взял с журнального столика пульт дистанционного управления и, направив его на телевизор, стоящий в противоположном углу кабинета, нажал на кнопку. На экране появилась симпатичная женщина в белом халате, один вид которой говорил о полном физическом и моральном здоровье: ее кожа светилась, зубы ярко белели на фоне легкого загара, а волосы словно были помыты одновременно всеми известными шампунями сразу.

– Вы ищете источник вечной молодости и красоты? – певучим голосом вопрошала красавица. – Он перед вами: «Виталайф» отвечает всем требованиям самой взыскательной женщины, следящей за своим здоровьем, фигурой и не желающей стареть, и мужчины, стремящегося к успеху в делах и любви...

И какой умник придумал такое дурацкое название – «Виталайф»? Это же все равно что «Маслянистое масло» или «Водянистая вода»!

– Всего две капсулы в день, – продолжала бодро вещать рекламный «доктор», – и вы уже через неделю почувствуете себя другим человеком...

– Зачем вы мне это показываете? – нетерпеливо спросила я. – Эту рекламу уже несколько месяцев гоняют по телевизору, и она у меня в зубах навязла. Обычная пищевая добавка!

– Не совсем обычная, как выяснилось, – покачал головой Лицкявичус.

– Это почему же?

– Потому что ваша подруга, возможно, тоже принимала этот «Виталайф».

– Ну и что? – все еще не понимала я. – Она была помешана на собственном здоровье и, наверное, следила за всеми новинками.

– Дело в том, что смерть Лидии Томилиной могла наступить именно вследствие приема этого БАДа. За последние два месяца выявлено еще три смерти вследствие отравления синильной кислотой. Эти дела расследовались разными ведомствами и некоторое время никак не связывались между собой. Насколько я знаю, кое-кто из подозреваемых даже посидел в СИЗО. Но сейчас ситуация несколько изменилась. Есть мнение, что имело место массовое отравле-

ние «Виталайфом», и только бог знает, о скольких еще смертях у нас нет сведений. Помните недавний скандал с милдронатом?

Еще бы не помнить: вся больница тогда на ушах стояла – и, как предполагаю, не только наша! Но тогда погибла всего одна женщина, все остальные выжили. Кроме того, речь шла не о каком-то отравляющем веществе, а всего лишь о попадании препарата другой фармакологической группы в состав инъекционного милдроната – халатность в чистом виде. Но – синильная кислота?

Видимо, прочтя на моем лице недоумение, Лицкявичус встал и подошел к незапертому сейфу. Достав оттуда внушительных размеров пластиковую банку, он вернулся на место и передал ее мне.

– «Виталайф», – прочитала я на красочной этикетке.

Судя по надписи, баночка содержала двести капсул БАДа, и принимать их предлагалось после или во время еды.

– В состав «Виталайфа» входит *amygdalus communis*, – продолжал Лицкявичус, глядя на меня, словно это много о чем говорило.

– «Обыкновенный» – что?

– Миндаль. Миндаль обыкновенный.

– И что из того? – по-прежнему не понимала я.

– Синильная кислота, – ответил Лицкявичус, очевидно поражаясь моей тупости.

До меня вдруг стало доходить.

– Вы хотите сказать, что... Господи, а как такой препарат вообще могли разрешить к производству?!

– Сладкий миндаль, – сказал Лицкявичус. – Сладкий, а не горький.

– Простите, а в чем разница? – снова продемонстрировала я серость.

К моему удивлению, Лицкявичус не стал закатывать глаза, показывая свое презрение к неучам вроде меня, а терпеливо объяснил:

– Различают три вида миндаля: хрупкий, сладкий и горький. Нас интересуют последние два. Сладкий миндаль – известная во всем мире пряность, и в этом качестве он упоминается даже в Библии. Горький и сладкий миндаль внешне практически неотличимы друг от друга. Различить их можно только по вкусу, а не по морфологическим признакам. Сладкий миндаль никакой опасности не представляет, а вот горький можно употреблять только после тепловой обработки, в результате которой удаляется содержащаяся в нем синильная кислота, которая, как мы с вами знаем, является сильнейшим ядом.

– А в «Виталайфе» содержится...

– Сладкий миндаль, разумеется, – кивнул Лицкявичус. – Тем не менее из песни слов не выкинешь: уже три... четыре человека скончались, и необходимо выяснить, совпадение это или закономерность. Согласитесь, для совпадения выглядит странно.

– И как вы собираетесь это сделать?

– Ну, не все сразу, Агния Кирилловна, – усмехнулся Лицкявичус. – Сейчас с телом вашей подруги работает наш патологоанатом. К сожалению, она – единственная, кто у нас есть для исследования: все остальные тела уже выдали родственникам и захоронили. Получение разрешения на эксгумацию займет уйму времени, да и доказать, что она необходима, вряд ли удастся. Так что придется довольствоваться отчетами судебных медиков, которые, кстати, тоже будет не так-то просто получить.

– А почему дело передали именно вам? – задала я вопрос. – Кто решил, что это расследование – исключительно медицинское? И разве у вас есть право наказывать виновных?

– Это ни в коей мере не входит в нашу юрисдикцию, – ответил Лицкявичус. – Если выяснится, что эти четыре случая – всего лишь звенья цепи, запущенной намеренно или непреднамеренно, мы тут же передадим дело в следственные органы. Но... – он вдруг замолчал и на

мгновение отвел глаза в сторону. – Что сказала вам вице-губернатор, описывая деятельность ОМР?

– Ну, что это – независимая организация...

– Вот-вот, – закивал Лицкявичус. – Главное слово – «независимая». Вы взрослая женщина, Агния, и должны понимать, что независимость – это утопия, сказка для несведущих обывателей, особенно – независимость на государственной базе! Мы, действительно, не зависим от комитета и министерства, но и ОМР контролируют – губернатор, вице-губернатор, Москва... И те, кто этим занимается, хотят, чтобы были соблюдены определенные правила.

– Правила? Какие правила?

– Я знаю далеко не все, как вы могли бы предположить, – покачал головой Лицкявичус. – Но умею делать выводы, имея достаточно информации.

– И какие же выводы вы сделали? – настаивала я.

– Ну, в Питере, а вернее, под Питером, есть всего один завод, производящий «Виталайф». Он выпускает не только этот БАД, но «Виталайф» – самое новое и успешное производство из всех, а завод функционирует уже четыре года. Догадаетесь, кому он принадлежит?

– Без понятия!

– Родному племяннику вице-губернатора.

Я тихо присвистнула.

– То есть кому-то наверху страшно невыгодно, если станет известно, что «Виталайф» опасен для здоровья?

– Совершенно верно.

– И что из этого? Вы же сами сказали, что следственные органы никак не связывали эти дела, так откуда об этом вообще стало известно?

– А как у нас все становится известно? – пожал плечами Лицкявичус. – Журналисты раскопали, разумеется! Еще немного, и разгорится скандал почище милдронатовского. Задача ОМР все проверить и выяснить, действительно ли существует связь между этими смертями. На некоторое время все материалы по умершим от отравления синильной кислотой передали ОМР. Сделали это насильственным образом, отобрав их у следователя, которому они были отданы первоначально, как только наметилась зацепка с «Виталайфом».

– Получается, если бы не та статья, никому и в голову бы не пришло, что между всеми этими смертями есть что-то общее?

– Трудно сказать, – пожал плечами Лицкявичус. – В любом случае вице-губернатору – а значит, и губернатору тоже – не нравится, что следствие движется только в одном направлении. Мы должны установить, действительно ли смерть этих людей наступила вследствие отравления «Виталайфом».

– А потом? – спросила я.

– А что – потом?

– Что вы собираетесь делать после того, как все выясните? Ну, в случае если «Виталайф» и в самом деле опасен?

Лицкявичус задумчиво посмотрел на меня.

– Вы, Агния, схватываете влет, – произнес он наконец. – Нам надлежит обо всем доложить вице-губернатору лично – «независимость» и «демократия» в действии. Другие люди, а не мы, будут решать, что со всем этим делать.

– Все равно, я участвую! – выпалила я, выпрямив позвоночник до такой степени, что заняла спина.

– Вы – что? – переспросил Лицкявичус, с любопытством глядя на меня.

– Хочу принимать участие в вашем... расследовании, – пояснила я. – Умерла моя подруга, и мне неважно, кто в этом замешан, единичный это случай или серия преступлений. Я всего лишь хочу выяснить правду.

Лицкявичус снова внимательно на меня посмотрел.

– Что это – чувство вины? – поинтересовался он. – Помнится, свое расследование в больнице вы начали именно из-за этого, я прав? А сейчас в чем вы себя вините?

Глупо, конечно, но мне почему-то казалось: если бы мы с Лидой не потеряли связь друг с другом, это могло бы что-то изменить! Но я не собиралась изливать душу первому встречному, особенно такому, как Лицкявичус, – грубому и черствому человеку. Вместо этого я задала вопрос:

– А вы почему согласились? Насколько я понимаю, лишние деньги вам ни к чему: вы работаете в частной клинике, преподаете в военно-медицинской академии, пишете книги, а в ОМР наверняка платят копейки. Так как вас *заставили* возглавить эту странную организацию?

Лицо Лицкявичуса было непроницаемо. Я уже успела понять, что он вообще не слишком склонен к открытому выражению эмоций (если, конечно, способен их испытывать!). В принципе я вполне могла ожидать, что Лицкявичус пошлет меня куда подальше со всеми моими вопросами, однако он этого не сделал.

– Вы правы, Агния Кирилловна, – сказал он спокойно. – У меня действительно имеются свои причины, но я не намерен обсуждать их ни с вами, ни с кем бы то ни было другим. Я не думаю, что вам стоит вмешиваться...

– Ну, Андрей Эдуардович! – вдруг раздалось из-за перегородки. Видимо, Пеппи, как я мысленно окрестила Вику, подслушивала наш разговор и решила наконец вмешаться. – Почему Агния не может помочь? Разве не лучше, если этим делом займется больше народу? Ведь у вас так мало сотрудников: кто ж согласится на таких драконовских условиях – денег почти не платят, работы много...

– Вика! – грозно прервал девушку Лицкявичус. – У тебя сегодня, кажется, выходной?

Девушка зашла за перегородку. Вид у нее был как у нашкодившего подростка, но я видела, что она нисколько не испугалась суровости босса.

– Вы же знаете, Андрей Эдуардович, – проговорила она, сложив губы бантиком, – что у меня халтурки случаются. Дома условий нет, а тут все-таки аппаратура...

– Вот и занимайся своим делом, – посоветовал Лицкявичус.

– Платон, ты не прав! – многозначительно изрекла Вика и удалилась, гордо вскинув голову, словно породистая лошадь. Вернее, пони – до лошади в натуральную величину Пеппи еще не доросла.

Взглянув на Лицкявичуса, я с удивлением обнаружила, что он изо всех сил пытается сохранить серьезность, хотя его холодные глаза на несколько мгновений стали теплее – хотя допускаю, что могла и ошибаться. Решив ковать железо, пока горячо, я сказала:

– Если вы думаете, что меня можно остановить, то ошибаетесь: я сама займусь независимым расследованием, и вы ничего не сможете сделать. Результаты вскрытия Лиды скоро придут, и я воспользуюсь ими независимо от вас. Но на самом деле в ваших интересах позволить мне участвовать в качестве человека, вхожего в семью жертвы. Мы ведь не знаем всех обстоятельств, а я могу, не вызывая лишних подозрений, действовать в наших общих интересах.

На лице Лицкявичуса снова ничего не отразилось. Очевидно, он раздумывал над моим предложением, но я не могла прочесть по его отсутствующему выражению никаких предварительных результатов. Наконец он изрек:

– Хорошо. Если вы все равно собираетесь путаться под ногами, то лучше иметь вас в нашем стане! Расскажите мне все, что смогли выяснить у родственников вашей подруги. Вы сможете порыться в ее вещах?

– Вещах? Что конкретно вы имеете в виду?

– Аптечку, косметичку – все!

– Постараюсь. Это, конечно, непросто, но я справлюсь. Насколько я понимаю, у вас нет полномочий милиции и прокуратуры, и на ваши вопросы Коганеры отвечать не обязаны, не говоря уже об обыске?

Лицкявичус неопределенно повел плечами. Этот жест я истолковала как подтверждение моего предположения.

– Оставьте ваши координаты, – предложил он. – Я свяжусь с вами, как только лаборатория предоставит результаты по трупам... вашей подруги, – добавил он, судя по всему, решив, что его слова прозвучали слишком уж равнодушно по отношению к Лиде. Разумеется, я оставила ему все телефоны, включая шиловский, но, будучи далека от мысли, что Лицкявичус действительно выполнит свое обещание включить меня в команду на время расследования, я решила действовать самостоятельно. Начать следовало с вербовки сторонников в ОМР, и так как я пока не знала никого, кроме Пеппи, то именно она и должна была стать первым союзником. К счастью, девушка, похоже, и так на моей стороне, учитывая ее вмешательство в наш с Лицкявичусом разговор, хотя Вику об этом никто не просил. Я предложила девушке выпить вместе чаю или кофе, и она, несмотря на то что в офисе была прекрасная кофе-машина, с радостью согласилась. Позволив Вике заказать все, что она пожелает, я принялась за расспросы. Выяснилось, что Вике восемнадцать лет (а не четырнадцать, как я полагала!). Она учится в университете на биологическом факультете и уже имеет степень бакалавра, а в этом году готовится стать магистром – после защиты диплома.

– Да как же тебе удалось – в восемнадцать-то лет?! – изумилась я.

– А я вундеркинд, – спокойно ответила моя Пеппи. – Кстати, это не первый мой университет. Сначала я поступила в медицинский. Так хотели мама с папой, оба врачи.

– И сколько же тебе тогда стукнуло? – поинтересовалась я.

– Тринадцать. Только оказаться в этом возрасте в Первом меде, среди огромных парней и девиц – удовольствие из рода экстремальных. Большинство вообще не понимали, что я там делаю – особенно преподаватели! Кроме того, я очень быстро сообразила, что никогда не смогу работать медиком: у меня даже опыты на мышках и лягушках дрожь вызывают, а уж с живыми людьми – сами понимаете! Сначала-то все нормально было – химия там, биология, латынь, – мне даже нравилось. Ну вот. После того как я хлопнулась в обморок в первый же визит в анатомичку, поняла: не мое!

– Да, такое сплошь и рядом случается, – возразила я. – Помню, как меня саму преподаватель откачивал...

– Да нет, – отмахнулась Вика, – это другое. Если бы не родители, вообще бы в мед не сунулась! Кстати, они ведь до сих пор думают, что я там учусь!

– Как это?

– Да Андрей Эдуардович меня прикрывает. Я тихой сапой перевелась на биологию в универ. Он помог документы оформить и договорился с кем надо. Обещал родичам ничего не докладывать, пока магистерскую степень не получу.

– Так ты за пару лет освоила пять курсов обучения? – не поверила я.

– Меня после меда взяли сразу на третий, – как само собой разумеющееся, ответила девушка. – А я за один год по два курса сдавала. Андрей Эдуардович – папин друг, они в Чечне вместе служили, только папа всего год продержался, а он – до самого конца. Андрей Эдуардович даст мне немного подработать в его клинике, ведь я в компах здорово секу, а ему такой человек просто необходим.

Последние слова Вика произнесла с такой гордостью, словно работа с Лицкявичусом была сродни номинации на Нобелевскую премию.

– А как ты в ОМР попала?

– Когда Андрею Эдуардовичу предложили возглавить группу, он согласился с условием, что мне выделяют отдельную ставку инженера-лаборанта. Такой должности не предусматривалось, но он своего добился – Андрей Эдуардович всегда добивается всего, чего захочет!

Я в этом нисколько не сомневалась. Отправив в рот огромный кусок пирожного с кремом, Вика сказала:

– А все-таки здорово, что вы решили работать с нами!

– Почему здорово? – полюбопытствовала я.

– В группе одни дядьки, – пояснила Пеппи с набитым ртом. – Все старые – от тридцати пяти и старше, а вы – женщина, к тому же молодая.

Я искренне порадовалась, что девушка считает меня «молодой». Наверное, следовало тут же признаться ей, что у меня есть сынуля ее возраста, но что-то помешало мне – наверное, простое женское тщеславие.

– Ой, они все такие *сурьезные*! – продолжала Вика, намеренно коверкая слово. – Я себя с ними рядом чувствую не в своей тарелке.

– А сколько в ОМР вообще человек? – спросила я.

– Ну, группа полностью еще не сформирована, – ответила Вика. – Я знаю еще четверых: патологоанатома, фармацевта, психиатра и, кажется, ВОПа¹. Всех врачей набирал Андрей Эдуардович, и только вас рекомендовала лично вице-губернатор.

Вот оно что! Значит, именно отсюда растут ноги у неприязни Лицкявичуса в отношении меня: ему предоставили полную свободу подбора команды, но я пришла, так сказать, со стороны, и это, естественно, никак не могло ему понравиться!

Мы с Викторией еще немного посидели в кафе и поболтали – о ее родителях, учебе, личной жизни. Откровенная и бесхитростная Пеппи с тоской поведала мне, что у нее до сих пор нет мальчика. Оно и понятно, ведь Вика была самой младшей на курсе и не могла считаться достойной ухаживания. Подруг у нее тоже оказалось немного – опять же в силу ее «вундеркиндства», и это объясняло радость девушки от общения со мной: хоть я и намного старше, а все равно выслушивала ее со вниманием и сочувствием, и это, совершенно очевидно, Вике импонировало.

Вернувшись домой, я первым делом позвонила Елене Исааковне и попросила телефон Анатолия. К счастью, мама Лиды даже не поинтересовалась, зачем мне это надо, и просто продиктовала номер. Повесив трубку, я достала блокнот, открыла его и записала: «Подозреваемые: 1) «Виталайф», 2) муж».

Посидев еще минут десять, я закрыла блокнот, осознав, что больше ничего мне в голову не приходит. Оказывается, расследование – непростое дело. В прошлый раз я была, что называется, «в теме»: практически все действующие лица были мне знакомы, и я могла получать информацию непосредственно на рабочем месте. Теперь ситуация другая: мне знакома только Лида, но у нее, к сожалению, уже ни о чем не спросишь. Более того, я вовсе не была уверена, что Лицкявичус сдержит свое обещание держать меня в курсе расследования, учитывая, что мое общество ему пытались навязать против воли. Значит, оставалось надеяться только на себя.

Прежде чем отправиться к Анатолию, я позвонила ему на мобильный. Честно говоря, я думала, что он откажется со мной встречаться. Однако, к моему удивлению, Лидин муж предложил мне приехать немедленно: он не пошел на работу, потому что не мог ни о чем думать, кроме смерти жены, – что ж, вполне объяснимое состояние.

– Что именно вы хотите узнать? – спросил Анатолий, впуская меня. Как и сказала Елена Исааковна, они с Лидой жили в небольшом, но уютном коттедже всего в десяти минутах езды от города. Внутри обстановка оказалась гораздо роскошнее, чем я могла предположить по фасаду.

¹ Врач общей практики, аналог англоязычного GP – general practitioner.

Пока Анатолий вел меня в гостиную, я успела заметить, что путь наш пролегал мимо крытого бассейна.

– Мне бы посмотреть на то, что принимала Лида – лекарства, БАДы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.